

№7
Июль 2008

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

СОЛНЕЧНЫЙ
ТАЛАНТ
НОДАРА
ДУМБАДЗЕ

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Уznaдзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№7 (34)
Июль 2008

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

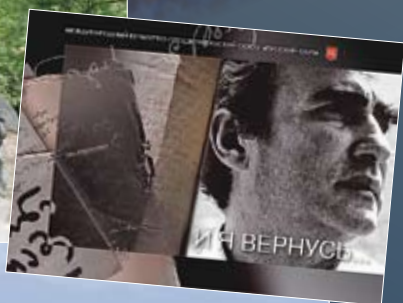
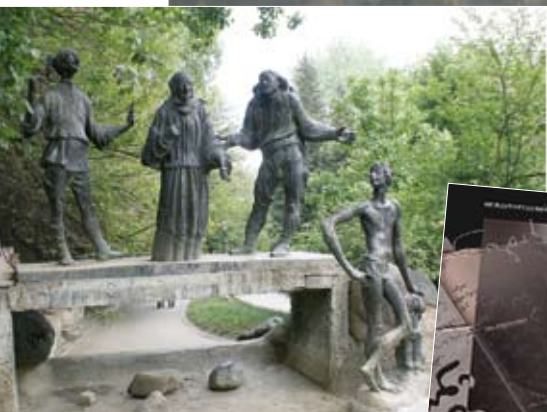
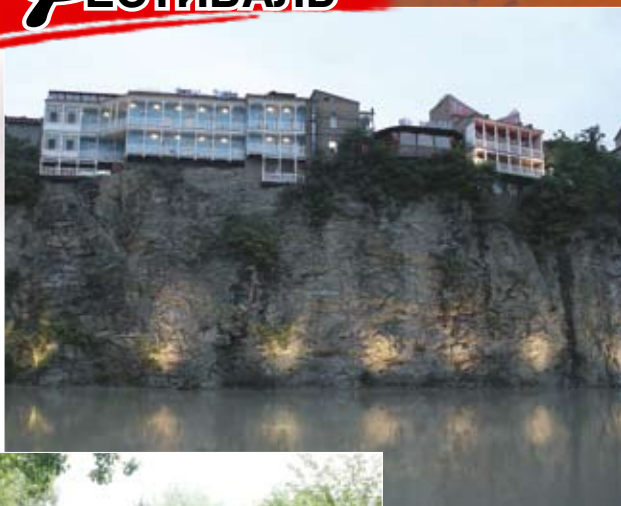
СОДЕРЖАНИЕ

ФЕСТИВАЛЬ	ПРОГРАММА ФЕСТИВАЛЯ	4
ЮБИЛЕЙ	«ДА, Я – ГРУЗИН!»	6
ТВОРЧЕСТВО	ОТКУДА В ГОРОДЕ ЯСТРЕБ?!	10
ДИНАСТИЯ	У ДВЕРЕЙ СОБСТВЕННОЙ СУДЬБЫ	13
ПРОБЛЕМА	РЕДКАЯ ЖЕМЧУЖИНА КAVKAZA	18
КИНОКЛУБ	«КОГДА РАБОТАЮ, ЧУВСТВУЮ, ЧТО ЖИВУ»	20
О, СПОРТ!	«ТИКАНАДЗЕ МУДРЫЙ БЫЛ!»	24
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	В ГОСТИ К ТУРБИНЫМ ...	28
ЛЕНТА ПАМЯТИ	ПЕРВОПРОХОДЦЫ	31
ВЕРНИСАЖ	ЛЕТЯЩАЯ КЕЛЬЯ ГАЯНЭ	34
ПРИЗНАНИЕ	СОЛНЕЧНЫЙ ДАР БОГОВ	38
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ПРИТЯЖЕНИЕ ПОЛЯ ТВОРЧЕСТВА	40
АРХИТЕКТОН	ДОМ В СТАРОМ РАЙОНЕ	43
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	«Я РОДИЛСЯ В ТЕАТРЕ»	45
ЗНАЙ НАШИХ!	КАЖДЫЙ СПЕКТАКЛЬ КАК ЭКЗАМЕН	48
ДАРЬЮШКИНЫ ПОСИДЕЛКИ	СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ	50
ПРОЩАНИЕ	ВЫДАЮЩИЙСЯ ХОРЕОГРАФ, ЛЕГЕНДАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ	52
ПРОЩАНИЕ	ОН ЖИЛ СЦЕНОЙ	54

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

ПРОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО- ГРУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ, 2008

17 ИЮЛЯ, ЧЕТВЕРГ

Встреча гостей фестиваля в аэропорту г. Тбилиси. Размещение в гостиницах «Дзвели Метехи» и «Копала».

Пресс-конференция участников фестиваля в Тбилисском международном пресс-центре РИА Новости.

18 ИЮЛЯ, ПЯТНИЦА

Обзорная экскурсия по г. Тбилиси. Посещение Пантеона писателей и общественных деятелей Грузии на Мтацминда. Возложение венка к памятнику В. Маяковского в Дигоми.

Торжественный вечер, посвященный 80-летию со дня рождения Н. Думбадзе. Детский городок «Мзиури».

Торжественный прием в ресторане «Копала» от имени АО «Банк ВТБ (Грузия)».

19 ИЮЛЯ, СУББОТА

Отъезд в с. Багдади на родину великого русского поэта В. Маяковского. Поэтический праздник, посвященный 115-летию со дня рождения поэта. Дом-музей В. Маяковского.

Посещение 1-й гимназии, в которой учился В. Маяковский.

Экскурсия по г. Кутаиси с посещением храмового комплекса Гелати.

Концерт в Кутаисском драматическом театре им. Л. Месхишвили.

20 ИЮЛЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Экскурсия по г. Батуми. Возложение цветов к памятнику А. Пушкина на Приморском бульваре. Прогулка по Ботаническому саду на Зеленом Мысе.

Встреча с общественностью г. Батуми в помещении Батумского государственного драматического театра им. И. Чавчавадзе.

Торжественный прием в ресторане «Меграул-Лазури» от имени банка «КАРТУ».

21 ИЮЛЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Круглый стол «Русский язык в современном литературном пространстве». Конференц-холл гостиницы «Алик».

Прогулка по акватории Батумского порта.

Концерт-презентация диска певицы Эки Квалиашвили в помещении Батумского государственного драматического театра им. И.Чавчавадзе.

Торжественный прием в ресторане «Ахали геми» от имени Союза грузин в России.

22 ИЮЛЯ, ВТОРНИК

Посещение Верхней Аджарии. Встреча с общественностью.

Прием в лобби-баре гостиницы «Алик». Презентация музыкального диска Заура Квицинадзе.

23 ИЮЛЯ, СРЕДА

Оезд автобусом из Батуми в Тбилиси.

Посещение древней столицы Грузии г. Мцхета. Осмотр храмов Светицховели и Джвари.

Приезд в Тбилиси.

Закладка камня в основание «Русского дома».

Прием в Посольстве Российской Федерации в Грузии.

24 ИЮЛЯ, ЧЕТВЕРГ

Посещение Пушкинского мемориала дома Смирновых, уникального памятника русской и грузинской культуры, продолжающего традиции блестящего литературного салона А.О. Смирновой-Россет.

Обсуждение итогов фестиваля и перспектив сотрудничества. Интерактив и дискуссия по проблемам современного художественного перевода.

Аудиенция у Католикоса-Патриарха всея Грузии Святейшего и Блаженнейшего Илии II.

Книжная выставка Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Встреча с общественностью г. Тбилиси в помещении Тбилисского государственного русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. Презентация юбилейного сборника, посвященного 50-летию журнала «Литературная Грузия».

Торжественный прием в АО «Давид Сараджишвили».

25 ИЮЛЯ, ПЯТНИЦА

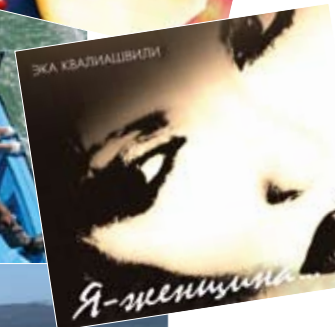
Поездка в Кахетию. Знакомство с историческим комплексом Бодбе. Посещение места захоронения Святой Нины Каппадокийской, просветительницы Грузии.

Экскурсия по г. Сигнахи. Поездка в женский монастырь в Ниоцминда.

Прием в ресторане г. Сигнахи от имени «Компании алкогольных напитков «Алаверди».

26 ИЮЛЯ, СУББОТА

Отъезд.

«ДА, Я – ГРУЗИН!»

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ ГРУЗИНСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ

«Маяковский. Он просто любил будущее. Он искал кратчайшего расстояния к будущему».

Виктор Шкловский

«Было жаркое лето. Отчаянно палило взошедшее из-за гор солнце.

Мы, деревенские мальчишки, весь день купались в Ханисцхали. Куда мы только не забирались... Пешком проходили по десять-пятнадцать верст. Короче говоря, стояла летняя жара, когда с другими детьми я пошел в Багдади по следам каких-то неизвестных мне людей, которые, видимо, намеревались глушить динамитом рыбу. Прошли мимо дома Джапаридзе в самом начале Багдади. Пошли дальше и как раз напротив дома, где жили Шарашидзе, заложили динамит. С трепетом ждал я, когда он взорвется. Время шло, а он не взрывался.

- Не получилось,- крикнул кто-то.

Разочарованные, уселись мы на берегу, и именно в этот момент из-за деревьев показался мой знакомый гимназист – Володя.

- Не получилось,- повторил кто-то.

- А кто достанет?

Несколько ребят бросились в воду, но скоро вылезли на берег.

Я поглядел на моего знакомого русского мальчика, который кивнул мне головой и улыбнулся, набрался смелости, нырнул, вытащил через несколько секунд динамит и поволок его к берегу... Я был счастлив».

Давид ЧХЕИДЗЕ (Диа Чианели). В родном селе.

«В сентябре 1904 года я познакомился с Маяковским. Володя был во втором классе. Он был старше меня всего на два года, но в отрочестве такая разница отчетливо бросается в глаза; к тому же он был рослый, крепко сложен. По школьным традициям ученики старших классов должны были опекать младших. Володя Маяковский считался вожаком второго класса. Однажды во время перемены я остался дежурным в классе и должен был следить, чтобы никто не заходил в комнату. Вошел Маяковский на правах старшего. Дав мне легкий щелчок по голове, он спросил, умею ли я рисовать, и принялся набрасывать мелом на доске разных животных и птиц. Рисовал он быстро...»

Колау НАДИРАДЗЕ. Кутаиси и его люди.

В. Маяковский, 1924 г.

«Помню эпизод, связанный со смертью Льва Толстого. Директор гимназии, обходя классы, предлагал не предпринимать никаких выступлений по этому поводу и, как полагается, угрожал. Тем не менее перед началом следующего урока, когда учитель взошел на кафедру, наш «вожак» громко и торжественно объявил о смерти великого писателя и призвал почтить его память вставанием. Пять минут длилась гробовая тишина. Опешивший учитель, не знавший куда себя девать, также молча простоял у кафедры».

Георгий ГАЧЕЧИЛАДЗЕ. Хорошие друзья.

«Маяковскому было 12 лет, когда началась революция 1905 года. Несмотря на отроческий возраст, Маяковский пламенно, горячо встретил события 1905 года. Он сблизился с теми же кружками, с которыми я поддерживал тесную связь. Именно этот период является лучшим периодом детства Маяковского. Бывает в жизни всякого поэта период, который «оставляет в душе живую память о себе», никогда не вычеркивается из памяти и красной нитью проходит через всю его жизнь».

Галактион ТАБИДЗЕ. В школьные годы.

«Я знал Володю и всю семью Маяковских еще в 1903 году, когда жил и учился в Кутаиси. Позднее,

уже в Москве, я долгое время снимал у Маяковских комнату и был в самых дружеских отношениях с Володицей.

В 1909 году, 2 июля, Маяковский был арестован полицейской засадой на моей квартире в Москве (1-ая Мещанская, дом № 49, квартира 12). Во время составления протокола, когда Владимиру Маяковскому пристав задал вопрос, кто он такой и почему пришел сюда, Маяковский ответил ему каламбуром:

- Я, Владимир Маяковский, пришел сюда по ривальной части, отчего я, пристав Мещанской части, нахожу, что Владимир Маяковский виноват отчасти, а посему надо разорвать его на части.

Общий хохот».

Исидор МОРЧАДЗЕ. Каламбур.

«У студентов систематически проводились собрания, председателем которых обычно избирался Маяковский, всегда по-деловому руководивший ими. Помню, однажды на собрании разгорелся горячий спор между Маяковским и Александром Герасимовым. Они обсуждали вопросы живописи и наговорили друг другу много пылких слов. Герасимов говорил очень долго, а потом оглядел студентов и закончил свою речь: «Вот, друзья, теперь вам все ясно, видите, мы посадили Маяковского в калошу». Вдруг Маяковский вновь взял слово: «Разрешите мне ответить Герасимову из калоши». И блестяще опроверг все доводы оппонента».

Александр ЦИМАКУРИДЗЕ. Эпизоды из студенческой жизни.

«В назначенный вечер (27 марта 1914 года в Тифлисе) я торопился к театру. Навстречу в толпе шел Маяковский. Он размахивал руками, разгребая толпу напрямик. Маяковский громко разговаривал, словно проспект был его личной квартирой. Вечерний город удивительно соответствовал его выразительному облику. Охваченный полосами электрического света, Маяковский прогуливался перед выступлением. Это входило в его привычки, так мне объяснил Бурлюк...

На сцене Казенного театра были убраны все декорации. Позади – белый холст для демонстрации диапозитивов. Вдоль – длинный стол. Сбоку – открытая кафедра. На кафедре – нотный пюпитр. Футуристы сидели за столом. Бурлюк выдержал паузу. Потом приподнял со стола огромный колокол и, огласив зал его церковным звоном, предоставил слово Маяковскому. Маяковский швырнул феску на стол и, не оправив сбившиеся, взлохматившиеся волосы, вспрыгнул на помост с пюпитром. Он говорил, раскачиваясь всем телом. Его голос широко разлетался по залу.

- Милостивые государыни и милостивые государи. Вы пришли сюда ради скандала. Предупреждаю, скандала не будет».

Сергей СПАССКИЙ. Встречи.

«Весной 1914 года Маяковский выступил в Тифлисском оперном театре. Свою искрометную речь он

начал на грузинском языке. Говорил точно, образно, и в ответ молодая темпераментная аудитория взрывалась громом рукоплесканий.

С группой тифлиских поэтов Маяковский поднялся на гору Давида, господствующую над городом. Во весь голос он крикнул, обращаясь к сединам гор, к белеющему вдали Казбеку:

- Вот это аудитория, отсюда можно разговаривать с миром!»

Николай ШЕНГЕЛАЯ. В родной Грузии.

«В 1918 году я совместно с группой литераторов организовал в Москве на Тверской улице № 18 «Кафе поэтов». Публика появлялась здесь поздно, после окончания спектаклей. Стихи читали Маяковский, Есенин, Каменский, Брюсов, Северянин... Из артистов выступали Качалов, Хенкин, Утесов, Вертинский...

Иногда Маяковский приходил ужинать в «Кафе поэтов» поздно и устало вздыхал: «Ничего не ел сегодня с утра, выступал одиннадцать раз, поэтому заказываю одиннадцать порций». Однако, поужинав, он выступал в двенадцатый раз, так как его обычно об этом горячо просили.

Многие поэты, выступавшие с Маяковским, называли его «тигром». Говорил он просто и образно, а когда начинал читать стихи, зал замирал. Стихи Маяковский читал мастерски и держал зал в таком напряжении, что любой артист мог бы ему позавидовать.

Уверенность в себе у него была колоссальная. Даже если большинство в зале было расположено к нему недружелюбно, он все же категорически заявлял:

- Сейчас я вам прочту стихи, и вы как миленькие все будете мне аплодировать.

И действительно, последние слова прочитанного стихотворения тонули в бурных аплодисментах».

Федор ДОЛИДЗЕ. Живой образ поэта.

«Я помню Маяковского с большой палкой в руке, он мнет взмахами шагов версты улиц, иногда чуть слышно бормочет стихи. И другой образ – Маяковский на эстраде. Лучший из всех когда-либо слышанных мною чтецов. Властный покоряющий голос. Несравненное остроумие.

В 1927 году, в его последний приезд, за городом, в Крцанисских садах все мы – грузинские поэты – собрались веселой компанией. Маяковский почти не пил,

В.Маяковский

В.Маяковский. Тифлис

больше наблюдал, много и оживленно разговаривал. Вспомнил детство, Кутаиси, Багдади... В этот же вечер пришлось мне говорить с Маяковским о Есенине. Если в отношении Есенина к Маяковскому была какая-то нервозность, иногда даже очень похожая на зависть, то Маяковский относился к Есенину более спокойно, как бы снисходительно. Даже полемицируя с ним, он щадил этого большого поэта. Вспоминная Маяковского и Есенина, я должен сказать, что Грузия воздействовала на них куда сильнее, чем это сказало в их творчестве. Первый не успел воспеть небеса Грузии, о чем он с такой болью в душе писал, и второму тоже не довелось пройти «грузинские кремнистые дороги». Я хорошо помню, как Есенин на квартире Тициана Табидзе возбужденно говорил нам о том, какую новую силу, новое движение в душе он ощутил в Грузии, о том, что он уже наметил план цикла стихов о Грузии. Это было накануне его смерти, в его последний приезд в Грузию».

Георгий ЛЕОНИДЗЕ. Из автобиографии.

«В конце августа 1924 года на проспекте Руставели мне встретился знакомый художник и сказал:

- Приехал Маяковский, пойдем я тебя познакомлю.

- Что ты говоришь! – воскликнул я, и мы отправились в гостиницу «Ориант». Маяковский занимал номер на втором этаже. Видно было, что поэт приехал только что – он переодевался и раскладывал вещи... Маяковский говорил и в то же время раскладывал на столе, на подоконнике, на комоды папиросные коробки, обрывки газеты, бумажные салфетки... Я был удивлен, не мог понять, что он делает.

Так, последовательно разложил он эти странные вещи, оглядел их с начала до конца, потом извлек из кармана записную книжку и стал реписывать с разложенных предметов отдельные слова, строчки. Оказывается, у него была привычка, сочиняя стихи (а писал он везде – в дороге, в поезде, в машине), записывать приходящие в голову строчки на всем, что

попадалось под руку...

- Простите меня, - извинился Маяковский, - если я сейчас же не перепишу стихотворение, потом не смогу разобраться в этих вещах или потерю какую-нибудь строку».

Анакий БЕЛИАШВИЛИ. Как родилось стихотворение «Владикавказ – Тифлис».

«Я был приглашен нашей известной киноактрисой Нато Вачнадзе на ужин. В тот вечер у нее было много гостей, и среди них Маяковский. Естественно, речь

зашла о кино. Маяковский, неизменно увлеченный сценарной проблемой, строил всевозможные планы, мечтал создать фильм о незаметном, ничем не примечательном человеке, постепенно приобретающем новые достоинства и поднимающемся во весь свой рост.

Владимир Владимирович читал нам свои новые стихи. Я был не в духе, потому что на следующий день мне предстояло лечь на операцию, и слушал его молча и хмуро. Маяковский заметил это и вдруг, обращая ко мне, стал читать свои ранние лирические стихи: «Скрипка и немножко нервно», «Хорошее отношение к лошадям» и другие, чтобы как-то расшевелить меня, вывести из подавленного состояния».

Демна ШЕНГЕЛАЯ. Он умел дружить и сплачивать.

«Неизгладимое впечатление произвели на меня первое личное знакомство с Маяковским, его манера разговаривать, безупречный такт, абсолютная добропорядочность, прямо-таки магнетического тембра голос. Был он сверхъестественно чистоплотен. В жизни не встречал я второго такого мужчину, который был бы так чист не только душой, но и всей внешностью. Едва ли кто-нибудь когда-либо видел Маяковского небритого, немьютого. Он всегда был в белоснежной рубашке, одет небрежно, но с большим, тонким вкусом. Ел он всегда мало, пил в меру. Ничего в нем не было от богемы; это был подтянутый, вечно думающий, трудящийся человек».

Владимир МАЧАВАРИАНИ.

Революцией мобилизованный и призванный.

«В начале декабря 1927 года Маяковский приехал в Тбилиси. При встрече я показал ему рисунки к его детской книжке «Что ни страница, то слон, то львица». Он остался доволен ими, поставив лаконичную надпись: «Печатать. Маяк.» (Книжка вышла в свет в марте 1928 года.) Мои родители и я пригласили Маяковского вместе с нашими общими друзьями к нам домой. Вечер удался на славу. Владимир Владимирович был весел, но как только его взгляд останавливался на картинах Нико Пиросмани, он переставал шутить и восторгался ими. Мы пели за столом, а затем кто-то сел за пианино, и Володя с грацией медведя танцевал и фокстрот и другие танцы, исполняя их на один лад. Он не переставал веселиться, заражая всех своей жизнерадостностью. Такого Маяковского я до сих пор не знал – непосредственного, с огромным запасом оптимизма и с ясностью души».

Кирилл ЗДАНЕВИЧ. Он полюбил Пиросмани.

«В Москве я остановилась у Фатмы Твалтвадзе. Комната у нее была маленькая, два-три человека помещались там с трудом – не иначе как сидя. Прошло некоторое время, прежде чем я решилась позвонить Владимиру Владимировичу. «Где вы, откуда? Я к вам подъеду сейчас же», - загудел в телефоне его сильный голос, и действительно, не прошло и получаса, как Маяковский уже был у нас. Его огромная фигура никак не умещалась в нашей комнате, и мы его поспешно усадили. «Ну ладно, согласно приличиям, мой официальный визит к вам закончен. - смеялся Маяковский, - а теперь – поехали я покажу вам мою Москву».

Мы ехали по Ленинградскому шоссе в такси старого образца, кузов его был тесен для Маяковского. Скрестив руки на груди, он говорил со мной.

- Если вы хотите серьезно отдаться своей профессии, то нужно отодвинуть на второй план ваши личные отношения, семью, иначе засосет она вас или будет постоянно отвлекать,- говорил Маяковский.

Через день в назначенное время я пришла к Владимиру Владимировичу на Лубянку, чтобы вместе

В.Маяковский

Нато Вачнадзе в фильме «Натэла». 1925 г.

отправиться на его вечер в Политехнический музей. Он жил отдельно от своих друзей, помещавшихся на Таганке. Комната его была невелика и очень просто обставлена: с первого же взгляда становилось ясно, что хозяину ее «краснодеревщики не слали мебель на дом». Но все же в этой комнате был камин, стоял хороший письменный стол. Не было никаких фотографий. На столике, возле тахты, лежал томик Пушкина.

- Вот все на меня сердятся за мои стихи без ямбов, а ведь без Пушкина я не засыпаю, - сказал Маяковский.

Он был грустен, задумчив, ему не хотелось идти на вечер. Но на трибуне он всегда преображался – становился острословом, поражал своей находчивостью...

Однажды он пригласил меня в Пушкино, на дачу к Брикам. Был выходной день. В дом приехало много гостей. Маяковский был расстроен: «Мне хотелось отдохнуть сегодня, провести с вами день, а сюда понаехало столько людей – от них и в Москве покоя нет».

На даче была собака – английский бульдог. Маяковский стал с нею играть, дразнил ее, клал руку ей в пасть. Его предупредили, что бульдоги отличаются мертвой хваткой. «Вот этого мне и надо», - нервно от-

ветил Маяковский...

13 апреля 1930 года я и Шенгелая встретились с Маяковским. Могла ли я подумать тогда, что Маяковского на другой день не будет в живых? Маяковский и смерть – разве можно такое представить?

14 апреля я вышла из дома по делу и, вернувшись, застала у себя в комнате Довженко, Солнцева и Шенгелая. По их лицам я поняла, что случилось что-то страшное.

Через три часа мы все были на Таганке, куда перевезли тело Маяковского. Мы поднялись по темной лестнице и вошли в переднюю его квартиры... Страшно было подумать, что окончилась жизнь человека необычайной широты и силы, в котором все – поэзия, чувства, поступки – были одинаково огромного масштаба».

Нато ВАЧНАДЗЕ. Владимир Маяковский.

«У Маяковского была просто феноменальная, поразительная память на стихи. В Тбилиси небольшой компанией мы спустились в прославленный ресторан «Симпатия» на Пушкинской улице. Там мы застали Паоло Яшвили, Тициана Табидзе, были там и гости из Москвы. Паоло Яшвили, прекрасный поэт, прославленный тамада, не раз обращался к Маяковскому, говорил тосты и много декламировал. Читал стихи и Тициан Табидзе. Кажется, «голуборожцы» вызывали Маяковского на

поэтическую дуэль. Владимир Владимирович сначала отшучивался, но потом как-то встряхнулся, и началось что-то необычайное: он читал Пушкина, Лермонтова, Блока, Северянина, Бунина, Фета, Тютчева... Это был каскад поэтического слова. Паоло и Тициан с восхищением глядели на Володю. Я никогда не слышал сразу столько стихов. Если это было соревнование, то победу одержал Маяковский. Радостный, полный волнения Паоло подошел к Маяковскому и крепко обнял его.

Маяковский был поэтом настоящего интернационального нутра. Он любил свое Багдади, его синие небеса. Это человек, умевший не раскисать, быть собранным, дисциплинированным, знавший себе цену, часто говорил нам, грузинским товарищам, что скучает по Грузии, по своей родине, скучает по Кутаиси, что ему так хочется побродить не по Парижу и Бродвею, а по окрестностям Багдади...»

Владимир МАЧАВАРИАНИ.

Революцией мобилизованный и призванный.

Этими воспоминаниями мы заканчиваем серию публикаций, посвященных жизни и творчеству новатора и первооткрывателя «поэтических материков» Владимира Маяковского.

19 июля, в день 115-летия его рождения, в рамках второго Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, под небом Багдади вновь зазвучит живое поэтическое слово – в честь и во славу нашего великого соотечественника.

Подготовила **Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ**

ОТКУДА В ГОРОДЕ ЯСТРЕБ?!

*К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НОДАРА ДУМБАДЗЕ*

Арчилу Ергемлидзе

Дыхание моря достигало кофейни. Воздух был тяжелый, соленый и влажный. Я и Ачико сидели за круглым столиком и в ожидании кофе потягивали коньяк из крохотных, с наперсток, рюмочек.

Бармен — армянин-репатриант четко манипулировал маленькими медными джезве, двигая их в рас-

каленном песке, - точно музыкант, выстукивающий на доли ритм блюза. Кофейня, сооруженная из обожженного бамбука под огромной цветущей магнолией, сама похожа была на отдыхающего, который вышел на набережную попить кофе. Бармен принес джезве и наполнил наши чашки до краев. Я, не дожидаясь пока осядет пенка, отпил глоток, глубоко вдыхая пьянящий аромат.

- У тебя что, глотка луженая? - спросил меня Ачиико, поспешно ставя обратно свою чашку.

- Нигде не варят кофе так, как в Батуми, - помолчав, сказал я с удовлетворением,

- В Сухуми, - заметил Ачиико и поднес чашку к губам, но отпить все не решился, только жадно вдохнул пар и прикрыл с наслаждением глаза.

Пока Ачиико раскачивался, я выпил свой кофе и опрокинул чашку на блюдечко, как обыкновенно делают любители гадания на кофейной гуще.

- Ты умеешь гадать? - поинтересовался Ачиико.

- Да так, немножко.

- Кто научил?

- Соседка, Ляля. Она потрясающе гадала. В прошлом году, перед рыбалкой на Кодори она мне погадала. Сказала, будь осторожен, тебе встретится змея.

- Естественно, человек, отправившийся рыбачить на реку, может встретить змею, чего там гадать! - засмеялся Ачиико.

- Что было, то и рассказываю.

- Ладно, валяй! - махнув рукой, сказал он.

- В первый же раз, как я забросил сеть, вытащил из воды полутораметровую змею...

- Врешь! - прервал он меня.

- Клянусь матерью!

Ачиико протяжно свистнул.

- Она мне еще раз гадала...

- И что?

- Вижу, говорит, тебя на чьей-то могиле, ты стоишь на коленях с цветами в руках.

- И что?

- Наутро умер Гулда.

- Ну да!.. - чашка застыла в руке Ачиико.

- Вечером того дня Ляля прибежала ко мне выражать соболезнование... стала извиняться, я, говорит, дура, глупая, такое тебе нагадала... а сама ревет...

- Ерунда, простое совпадение... - сказал Ачиико и задумался.

- Возможно. Только с того дня я больше не гадал.

- Ерунда, - повторил Ачиико и перевернул свою чашку прямо на столик.

Я не промолвил ни слова и отпил коньяк.

- Ну-ка, загляни в мою чашку, - через некоторое время сказал Ачиико и протянул мне свою чашку.

Я взял у него чашку, заглянул. Дно было совершенно закрыто гущей, а на стенках обозначились какие-то причудливые узоры и иероглифы.

- Не умею я гадать, - сказал я, протягивая ему чашку обратно.

- Давай, давай, - подзадорил он меня.

- Плохая чашка, - заявил я.

- Все-таки что ты там видишь? - не отступал он.

- Море. Море вижу и корабль...

- А капитана? - засмеялся он.

- Птицу вижу.

- Может быть, самолет? - снова засмеялся он.

- Настолько я не разбираюсь, - сказал я и вернул чашку.

Кофейня со стороны дороги приличия ради была огорожена неким подобием проволочной изгороди. Вдруг на эту изгородь прилетел воробей.

- Чирик! - возгласил он и оглядел нас.

- Ага, твое предсказание сбылось, птица - вот она, черед за капитаном корабля, - начал балагурить Ачиико.

Воробей глядел на нас, глядел, потом взъерошился, распушил перышки, встряхнулся и вдруг, сорвавшись с изгороди, прилетел и сел прямо на наш столик.

- Однако какой нахал, - удивился Ачиико.

Воробей набросился на маленький кусочек хлеба, пытаясь ухватить его клювом. Его крохотные лапки и коготки смешно скользили по пластику стола. Наконец он кое-как ухватил клювиком хлеб и, вспорхнув, улетел снова на свою изгородь. Оттуда он продолжал поглядывать на нас, не выпуская из клюва своей добычи, затем раскрыл крылья и куда-то улетел.

- Видал, как он нас ограбил, этот разбойник? - удивленно глядя на меня, сказал Ачиико.

- Гениально назвали его русские - воробей!

- То есть в чем гениальность?

- «Вора бей», понимаешь?

- Да ради бога, это ты сейчас придумал, - недоверчиво проговорил Ачиико.

- Не я, а русские придумали пичуге такое название.

- Вообще-то верно, название точное, - усмехнувшись, согласился он. - Гляди-ка, он опять тут как тут! - воскликнул Ачиико и подвинул на краешек стола еще кусочек хлеба. Воробей на этот раз к хлебу не прикоснулся, сидел себе на изгороди, склонив на бок голову, и глядел на нас вызывающе, с задором.

- Чирик, чирик, - произносил он время от времени и менял при этом место.

- Могу поспорить, что он знает грузинский и подслушивает нас, - серьезно сказал Ачиико.

- Смотри, не ляпни что-нибудь, вдруг он турецкий шпион! - предостерег я Ачиико и от души расхохотался.

- Ты шутишь, а он, гляди, как слушает.

Воробей и вправду вел себя удивительно. Он склонил головку таким образом, что одно его ушко было обращено к нам.

- Кыш, сплетник этакий! - прикрикнул на него Ачиико и взмахнул рукой. Воробей не шелохнулся.

- Ну, господин воробей, чего изволите? - осведомился тогда Ачиико.

Воробей ему что-то ответил.

- О, пожалуйста, сию минуту! - Ачиико засуетился и

поставил на землю свою чашку.

- Чего он хочет? - поинтересовался я.

- Кофе, говорит, желаю, небось, сами пьете, а я разве не человек?

Воробей слетел с изгороди на землю и с опаской стал приближаться к чашке.

- Иди, иди, не бойся! - подбодрил его Ачико.

Воробей заглянул в чашку и принялся клевать кофейную гущу.

- Но, но, не увлекайся, чего доброго, сердце себе испортишь, - забеспокоился Ачико и нагнулся, чтобы поднять чашку. Воробей вмиг улетел обратно на изгородь. Ачико насыпал себе на ладонь хлебные крошки и протянул воробью.

- Закусывайте, сударь!

Воробей после недолгого колебания распустил крылышки и подлетел к руке, но не сел, а начал описывать над ней круги. Видимо, считая, что осторожность никогда не мешает, он несколько раз облетел протянутую ладонь. Ачико не шевельнулся, замер, и воробей решился: сел на его ладонь. Но прежде чем начать склевывать крошки, он заглянул в глаза Ачико.

Невольно и я посмотрел ему в глаза. Они были полны безграничного удовольствия и любви, карие глаза Ачико. Воробей доверился этим глазам... Он спокойно начал клевать крошки с огромной ладони.

Покончив с этим делом, воробей снова уселся на изгородь и вытер клювик о раздувшийся зоб.

Затаив дыхание наблюдал я за всей этой сценой. Если бы кто-нибудь со стороны видел все, что здесь сейчас происходило, ни за что не поверил бы, что воробей этот не дрессированный и Ачико не его дрессировщик.

- Ты просто Дуров! - с восторгом сказал я ему.

- Не я Дуров, а он, смотри, что он со мной выделывает, - возразил вошедший. Ачико насыпал крошки себе на ладонь и протянул воробью. Воробей угодничательно угощайтесь! - пригласил Ачико, протянув при этом руки.

И вдруг произошло что-то страшное и ужасное... Огромная тень упала на Ачико, и он упал неслась над столом, и воробей испуганно взлетел на изгородь.

- Что случилось? - спросил я.

- Ястреб... - едва выдохнул Ачико.

- Куда девался воробей? - спросил он.

Я пожал плечами и вышел.

Ачико вдруг сорвался с ладони и упал на пол.

- Помоги!

- В чем дело?

- Воробей!

- Что за воробей?

- Ястреб, моего воробья унес ястреб!

- Ты что говоришь, слушай, откуда в городе ястреб?

реб? - махнул рукой бармен и зашел на свое место.

Ачико бросился ко мне.

- Куда делся воробей?!

- Сядь, - попросил я его.

- Куда делся, говорю!!

- Ястреб его унес...

- Как это унес?! Мы сидели втроем, ели, пили, смеялись, и он налетел, утащил - и все, и больше ничего?!

- Полно, Ачико, - взмолился я.

Ачико смотрел на меня дикими глазами. Потом сел, опустил лицо в ладони. Долго он так сидел.

- Ладно, Ачико, будет тебе... - я положил руку ему на плечо. Он стремительно поднялся и ушел, не оглядываясь.

Какое-то время я продолжал сидеть в одиночестве. Потом ко мне подошел бармен.

- Упился? - спросил он.

- Кто?

- Твой друг.

- Да нет, понимаешь, мы ведь даже и не пили, сидели втроем, вот так: я здесь, он там, а он...

- Как это «втроем»? - Бармен подозрительно поглядел на меня, потом на бутылку, но бутылка оказалась выпита всего лишь на два пальца.

- ...он, воробышек, сидел там, на изгороди, и вдруг этот ястреб...

- Да вы что, оба спятили, откуда в городе ястреб! - вышел из себя бармен.

- Говорю, ястреб, вот как сейчас тебя вижу...

- С тебя десятка, - холодно прервал меня бармен.

Я протянул ему десятку и встал. Когда я вернулся в наш номер, Ачико лежал навзничь на своей кровати. Он плакал.

Нодар ДУМБАДЗЕ

поэт, прозаик, драматург, журналист, редактор, переводчик с грузинского языка. Лауреат премии имени Коринтэли.

У ДВЕРЕЙ СОБСТВЕННОЙ СУДЬБЫ

У каждого человека, поколения, страны или географической единицы есть своя неповторимая кардиограмма. Взлеты и падения, пик жизни на высшем ее пределе, интеллектуальный и культурный взрыв, или пустота. Все в природе подчинено определенному ритму. В XIX - начале XX века Тифлис был неповторимым центром не только грузинской, но и русской культуры. Он дал миру многих выдающихся деятелей философии, искусства, культуры. Легендарные тифлисские гимназии могут похвастать не одной плеядой своих великих выпускников. Одна из таких - 2-я Тифлисская классическая мужская гимназия на Великокняжеской улице (позже - Камо, сегодня - Узнадзе), в здании которой, и это символично, находится Министерство образования Грузии. В разное время в ней учились Николай Гумилев, известный ученый-геолог Горностаев и многие другие. Высокий уровень преподавания, удивительные имена... Особым считался выпуск 1900 года: в числе золотых медалистов Павел Флоренский; будущие религиозные философы Владимир Эрн, историк философии, публицист, и отец Александр Ельчанинов, священник, церковный писатель; один из братьев Бурлюков, апологетов футуризма; Михаил Асатиани, будущий врач-психиатр, который одним из первых в России обратил внимание на терапевтические возможности психоанализа, а в 1925 г. организовал НИИ психиатрии Грузии, носящий сегодня его имя; пламенный большевик Яков Розенфельд (принявший впоследствии псевдоним Каменев); революционеры братья Церетели...

Сегодня суэта нашей торопливой жизни заслонила эти замечательные факты русской и грузинской истории. И даже на доме в Тбилиси, где жил Павел Флоренский, нет мемориальной доски. Мы хотели бы снова восстановить связь времен, вспомнить. Ибо лишь воспоминания нашего прошлого, культуры, а значит и себя, способны позволить человеку жить осознанно, прояснив свою сущность и цель существования.

«Род и его виды – это сущности, из коих род безвиден сам, но имеет в себе виды, и видами своими сквозит в членах рода. Этим-то высвечиванием оп-

Павел Флоренский, Сергей Троицкий

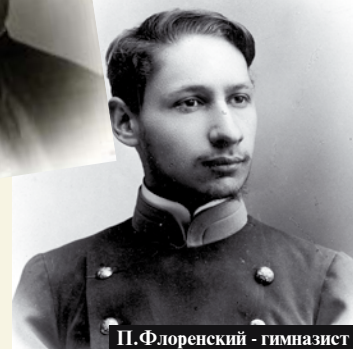
Юлия Флоренская

Г.Конишвили с женой Елизаветой и дочерью Ольгой

Валентина (Ольга) Флоренская

П.Флоренский - гимназист

Райса Флоренская

ределяется значение родичей для вечности», - писал Павел Флоренский. Он придавал чрезвычайно важное значение понятию рода, семьи, духовного генотипа. «Род есть единый организм и имеет единый целостный образ. Он начинается во времени и кончается. У него есть свои расцветы и упадки. Каждое время его жизни ценно по-своему; однако род стремится к некоторому определенному, особенно полному выражению своей идеи, пред ним стоит заданная ему историческая задача, которую он призван решить. Эта задача должна быть выполнена особыми органами рода, можно сказать, энтелехией рода, и породить их – ближайшая цель жизни всего рода. Это благоухающие цветы или вкусные плоды

Давид Иванишвили

Ольга Кониашвили

данного рода. Ими заканчивается какой-то цикл родовой жизни... Нет никакого сомнения, жизнь рода определяется законом роста и проходит определенные возрасты. Но нет сомнений также и в свободе, принадлежащей роду, – свободе, столь же превосходящей мощью своего творчества свободу отдельного представителя рода в среднем, как и полнота жизни рода в целом превосходит таковую же отдельных родичей в среднем. Кроме того. В какие-то сроки и в лице каких-то отдельных представителей рода это самоопределение его получает чрезвычайные возможности. Род стоит тогда у дверей собственной судьбы».

Марина Иванишвили – художник и скульптор. В ее доме много картин, икон и... собак, дворняг, которых Марина спасла от гибели. Они совершенно гармонично уживаются с кистями и красками, карандашами и уникальными семейными реликвиями, свидетельствующими об ее замечательных и столь различающихся по характеру и образу жизни предках. Внучатая племянница Павла Флоренского рассказывает о прошлом своей семьи.

БАБУШКИ И ДЕДУШКИ

- Каждая семья рассматривается в контексте истории. Если вернуться к мыслям Флоренского о семье, то генетика – что-то вроде кубика-рубика. Крутится, пока не получится комбинация, необходимая для осуществления идеи рода. Именно с помощью его вращения получается тот генетический набор, некогда запроецированный. Род создается для какой-то цели, которую должен исполнить. Если не получается, то под другой фамилией, в другой национальности опять возникает некто, чтобы выполнить миссию.

Межнациональный брак родителей Павла Флоренского... Сочетание ранее никогда не сочетаемого дало мощный всплеск – яркое, одаренное потомство. Кроме того, Флоренский пишет о родстве с Разумовскими. В нашей семье говорили о незаконнорожденной девочке из семьи Орловых, на которой был женат Флоренский. В подтверждение фигурировало некое очень дорогое ювелирное изделие. Об этой семейной реликвии пишет Павел Флоренский. Как я поняла

с возрастом, в патриархальной среде моих предков тема бастардов обсуждалась весьма сдержанно.

Моя бабушка, сестра Павла Флоренского, Елизавета Александровна была блестящим психологом, педагогом, потрясающим художником. Отец Павла Флоренского построил многие железнодорожные линии: Батумско-Ахалцихскую дорогу, Евлахскую... У нас была консервативно-патриархальная семья. Я бы сказала, это интеллигентный вариант снобизма. Детям давали максимальное образование: Мюнхен, Лозанна, Берлин. После смерти отца осталась возможность учиться только в России.

Дедушка, муж Елизаветы Александровны, Георгий Кониашвили... Его прабабушка, согласно легенде, была личным врачом Шамиля. Чтобы заполучить ее, Шамиль вырезал всю ее семью, оставшиеся в живых дети скрывались под фамилией Кониашвили. Удивительно в этой истории то, что как мог человек, убивший детей, доверить себя их матери? Недавно я познакомилась с потомком Шамиля. Такие пересечения судеб...

Отец моего дедушки был казначеем цехов Тифлиса. Человек предельной честности, он без расписки одолжил кому-то крупную сумму из казны. Тот человек наотрез отказался вернуть, а деду пришлось распродавать собственные земли (от здания филармонии вверх и до парка Ваке). Опять разорение!

Один из братьев дедушки, Кониев-Эрзерумский, был царским генералом, удостоенным награды – золотой сабли из рук императора. Ушел с меньшевиками. Недавно я узнала, что он умер в шестидесятых в Аргентине. Другой брат стал основателем курортологии в Грузии. Он пропагандировал курорты Грузии в Европе. Его именем назван Институт курортологии. Впоследствии, в 37-ом, был репрессирован. Даже из застенок ЧК просачивалась информация – когда ему перебили ногу, положив на две табуретки он «пошутил»: «В семье я один не хромял, вы эту ошибку исправили». В этой семье, как и у Флоренских, лютовал туберкулез и у всех братьев и сестры одна нога была короче другой.

Мой дедушка окончил факультет естествознания, был настолько широко образован, что никто не мог понять, философ он, естествоиспытатель и так далее. Именно русскому образованию в Москве и Петербурге свойственна такая широта. До России он учился здесь в 1-й гимназии. При меньшевиках какой-то период стал вице-мэром Тифлиса. Потом отказался от политики, долго преподавал в Пушкинском институте методику преподавания физики. До революции мой дедушка и моя бабушка преподавали в гимназии генерала Левандовского.

Очень интересная история, как мой дедушка спасся в 1937 году. Его неоднократно арестовывали, а потом оставили в покое почему-то. Друг моего деда и его идеологический противник, первый секретарь Компартии Грузии Александр Туманишвили, вытребовал из ЧК досье своего друга, сжег в печке кабинета, а дедушку привез домой. Через полгода Александра

Туманишвили расстреляли. Об этом мы узнали только в семидесятых от его дочери, с которой дружила моя мать.

А можете ли вы представить, что отец моего отца был гангстером? Эта история тоже вписалась в историческую ткань. Инженер-самоучка, гений технических познаний, он узнал, что в Тифлис едет сейф с казной. По месту назначения прибыл вагон с до смерти упившейся охраной. Сейф же вместе с казной испарился. Полиция с ног сбилась. Криминальный мир – тоже. Все искали банду медвежатников. Кто мог допустить в мыслях, что сейф вынес и выбросил один человек? Небольшого роста, но нечеловеческой силы, мой дед Николай Иванишвили потом накупил домов и зажил с молодой женой, сыном и сестрой жены. На фотографиях того времени мой отец выглядит как маленький принц в кресле. И все бы хорошо, только известный революционер Камо задумался, кто мог знать о едущей казне. Выплыло имя моего деда. Деньги, спрятанные под полом кухни, были экспропрированы для нужд грядущей революции. По доносу Камо, страшно боявшегося моего деда, Николай Иванишвили был сослан в Сибирь, а мой отец с матерью и теткой оказались в тюрьме. Имущество – конфисковано. И опять еще одно разорение. Незадолго до революции дед исчез в пути, возвращаясь из Сибири.

Вообще я мало знаю о предках. После 1918 года мама уничтожила фотографии, документы – держать их в доме было просто опасно.

РОДИТЕЛИ

Мама, Ольга Кониашвили, была единственным ребенком в семье. Она окончила Академию художеств, присоединенную потом к университету, это был хороший выпуск. Ей преподавали Фогель, Лансере, Шарлемань, Какабадзе, Гудиашвили. Тогда вместо оценок существовали категории. Была художником театра, графиком. Отец, Давид Николаевич Иванишвили, архитектор. У него была европейская школа рисунка и акварели. Он учился в студии Гриневского. Я воспитывалась в атмосфере декларированной сдержанности. Когда первый раз пришли арестовывать моего дедушку в 1921, мама была маленькая и стала плакать. И бабушка ей сказала: «Ни один враг не должен видеть твои слезы». Так мать Флоренского прожила всю жизнь, воспитав огромное количество детей. Ни разу не повысив голоса. Внутри полной свободы, после которой многие ударились в дикий национализм, у нас была своя модель сосуществования: ежевечерние чаепития, на которые собирался весь интеллектуальный цвет – Шалва Нуцубидзе, известный экономист Леван Асатиани, Русудан Николадзе и другие. Вполне естественное

временпрепровождение интеллигенции того времени.

ВНУЧКА

Родилась я в Тбилиси в 1952 году. Окончила Тбилисскую Академию художеств в 1976. Скульптор. Чувствую осуществленную predeterminedность. Так повелось, у каждого художника «своя» тема. И у меня, еще с академии есть одно направление – человеческое тело. Декларируемая духовность тела. Это не мешает мне заниматься портретом, анималистикой, иконописью. Кстати, две иконы подарены мной церкви Республиканской больницы, стали источать мирро. Николай Чудотворец и Пантелеймон.

Я восприняла это как знак свыше.

Что касается скульптуры, мой путь анахроничен. Я за «чистоту жанра». Скульптура должна говорить на языке пластики, формой. «Литературщина» для меня не допустима.

Я как бы осуществляю некую концепцию – гармоничного взаимодействия пространства и волевого усилия, выраженного в конструкции. Конструкция – это комбинация нескольких элементов. Свободные, но связанные логикой пластики между собой и пространством, они создают неисчислимое количество вариантов, не нарушая парадигмы безмолвия. Ибо скульптура – это Божественное Безмолвие.

Е.Флоренская. Дама с Невского. 1910-е гг.

Р.Флоренская. Иллюстрация

В.Флоренская. Дева Мария.

О.Кониашвили. Театральный эскиз. 1931 г.

Д.Иванишвили. Жеребята. 1956 г.

Как будто разрозненно, и в то же время цельно, по которым приходишь в день сегодняшний и идешь дальше. Если взглянуть пристальней в каждом из этих эпизодов уже заложена предначертанность.

Некая программа развития как рода, так и отдельных его представителей в будущем.

«Мне думается, что задачи нашего рода – не практические, не административные, а созерцательные,

Марина Иваншвили. Фото Л.Херхеуидзе

мыслительные, организационные в области духовной жизни, в области культуры и просвещения. Старайтесь вдуматься в эти задачи нашего рода и, не уклоняясь от прямого следования им, по возможности, твердо держаться присущей нам деятельности. Не ищите власти, богатства, влияния... Нам не свойственно все это; в малой же доле оно само придет, – в мере нужной. А иначе станет вам скучно и тягостно жить». Павел Флоренский, «Завещание».

Инна КУЛИШОВА

ОГЛЯДЫВАЯСЬ В ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Слова и образы... Непонятые, но скрупулезно записанные в хранилищах сознания. Воспоминания детства.

Попытка восстановить, реконструировать... Пространство и время между фрагментами заполняется логическими построениями и за ними уже не отыскать то... хранимое. Легкое колебание и срабатывает целая система ассоциации – как скульптура Кольдера.

Возникшая вибрация извлекает из небытия вереницы лиц, событий, интерьеры давно разрушенных домов, шелест давно срубленных деревьев в давно застроенных садах.

Альбомы с перламутровой инкрустацией, в тесненной коже, с бронзовым замком, в холщевом переплете. Маленький, с книжку, с фиалками на полированном дереве.

Золотое теснение – название фотоателье. Фотографии. Сепия. Лица людей, имена которых уже некому вспоминать. История моей семьи беззвучно уплывает в прошлое... умирает.

Фраза из моего дневника – «А потом наступит вторая смерть под страшным названием – не помню...»

Флоренские... и не только они... Елизавета Алек-

сандровна Флоренская. Сестра Павла Александровича Флоренского. Мать моей матери. Психолог, педагог, художник. С бабушкой, Георгием Григорьевичем Кониашвили, они встретились в Москве. Оба из Грузии. Студенты. Сперва Темрюк (Махачкала) по распределению. Рождение дочери. Потом Тифлис и политика. Семья благополучная, любящая, прошедшая революцию, гражданскую, 37-ой, Отечественную, послевоенное время.

Маленькая дача недалеко от города. В прямом смысле – сад на камнях, где каждое посаженное дерево поливалось водой, принесенной издалека, за километры. Осуществлялся коллективный разворот «интеллигенции лицом к деревне». Садоводческие эксперименты. Увлеченно, с любовью. Скрещивание, сочетание несочетаемого. Веранда, увитая мелким виноградом. Перед домом, под тутовым деревом – стол. Скамьи из грубо струганных досок. Вокруг – розы. Белые, чайные, темно-красные. На фотографиях – серые.

Бабушка в ситцевой блузе. Мы вместе сажаем ирисы. Лопатка и клубни. Плоские листья – веером. На блеклых любительских фотографиях все тот же стол. Разное время, разные гости. Дедушкины друзья, родня из Москвы, Ленинграда. На столе традиционный компот, фрукты – по сезону. Старушка с мягким, тихим голосом. С пальцами и вышиванием. Теплая, грустная улыбка. Тонкий юмор, не всем доступный.

Чистящая на кухне картошку, собирающая зелень в огороде, читающая при керосиновой лампе по вечерам. Целые дни у керосинки. В промежутках – очередь за керосином. С бидоном, на солнце, у запряженной клячей цистерны. Это летом, у кафельной печки, в оставшихся от девятикомнатной квартиры двух комнатах. Следствие уплотнения. После ее смерти в 1959-ом, дедушка продолжал ездить на дачу, я – с ним. В нашей семье не принято было выражать свои чувства. Особенно – горе.

Вещи моего детства окружают меня. Ломберный стол эпохи Павла. Икона Богородицы. Бронзовая ящерица. Тусклое золото обреза книг. Возможно еще там, в детстве, возникла мысль, ставшая впоследствии концепцией – мы оставляем свой след на вещах, вещи отпечатываются в нас на пути, по которому не суждено вернуться.

Вещи, в основном, из семьи Флоренских. Через воспоминания моей матери, даже через воспоминания воспоминаний, предметы, привычные до незамечаемости, вдруг приближались. Связанные с людьми, событиями, вплетенные в контекст истории, в непрерывный процесс, подобно процессу мифотворчества.

По мере моего взросления в частых вечерних беседах за чаем все яснее вырисовывалась, обогащалась панорама. Семейный портрет, растянутый на десятилетия. Событийный ряд, в соответствии с закономерностями, заложенными в глубине этих десятилетий. Предначертанность судеб как отдельных людей, так и всего рода. Братья и сестры Флоренские. Очень яркие и очень разные, оставившие свой след. Каждый по-своему.

Павел, Александр, Андрей, Елизавета, Раиса (Гося), Юлия, Ольга (Валя). С аналитической отстраненностью и в то же время с болезненным ощущением причастности к чему-то единому, выстраивались цепочки причинно-следственной связи в рассказах

моей матери.

Задолго же до этого обо всем этом писал отец Павел в своем «Завещании», изданном в 1992 году.

Папки с затертыми завязками. Графика. Коричневая тушь. Перо. Работы моей бабушки...

Из глубин подсознания. Каменные застенки. (Предвосхищение?) Уроды, пожирающие уродов, повешенные младенцы. Кошмары, создаваемые при свете копилки.

Со слов моей матери. Еще до революции много ее работ было послано в Англию, на выставку. Работы не вернулись. Искусство не для гостиных. До 1924-го. А потом что-то кончилось.

Годы пустоты. Ни единого рисунка. «И ни сказав ни единого слова» (Белль) Что? Почему? В образах выраженное одиночество, о котором пишет П.А. Флоренский в своих воспоминаниях. Предопределенное одиночество, ибо лишь в этом одиночестве могла быть выполнена, могла созреть и осуществиться идея этого рода.

И еще. Каково было женщине, вышедшей замуж за грузина, когда в семье, где она росла, живя в Грузии же, грузин называли не иначе, как туземцами, даже не осознавая оскорбительности этого.

Работа «в стол». Художник осознавший, что его творчество никому не нужно. Ни эпохе, ни людям, даже близким. Время такое. Братья арестованы. Кругом аресты. Изо дня в день ожидание ареста мужа. Потом – вышивание. Несколько полотен. Это не преувеличение. Именно – полотен. Вся поверхность ткани покрыта мельчайшими стежками. Цветы. Букет. Богатейшая палитра цветов. Бегство в одиночество, растянутое на годы.

Нечто, при всей виртуозности техники, несоизмеримо малое в сравнении с леденящим ужасом тех листов графики. Печать страха на целом поколении. На следующем – тоже.

Елизавету Александровну пережил только брат Андрей (†1961 г.). В 1914-м умерла Валя (Ольга Флоренская). За четыре года до этого был убит ее муж, Сергей Троицкий. После нее осталось немного. Дневник, тетрадка со стихами, где она провидит случившееся впоследствии. Папка с миниатюрами на религиозную тему. Акварели – яркие и несколько наивные.

Со слов моей матери, цепь трагедий – убийство зятя, следствие чего смерть Вали; до этого 1905 год и реакция, непосредственно затронувшая семью, конфликт внутри семьи – проявилось в том глубоко насыщенном периоде творчества моей бабушки.

И приходит мысль, созвучная идее рода. Может, несколько спекулятивная, а может, по существу – насильственная смерть, как и суицид представителей рода и людей близких им, не случайны и предопределяют многое в дальнейшем, навсегда отпечатываясь в сознании оставшихся и их потомков, исподволь формируя духовную конституцию и направляя их жизненные пути.

Вспоминается название очень старого фильма «Цену жизни спроси у мертвых».

У Солженицына в «Архипелаге» упоминается Александр Александрович Флоренский, геолог-минералог, искусствовед, археолог, коллекционер. Репрессирован. Скончался в Магаданском крае. Те, кто вторгся в его тбилисскую квартиру, как в дом репрессированного, даже не подозревали о ценности коллекции. В

1932-ом, в Загорске, т.е. в Троице-Сергиевом Посаде от чахотки скончалась Раиса Александровна, Гося.

Моя мать рассказывала о ней: «С детства физически ущербная, как бы не от мира сего. С тонким юмором и звонким смехом. Подбирала больных животных, птиц и лечила в устроенной дома лечебнице. Всегда в большой шляпе, с сумкой, в которой была пища для бездомных кошек и собак».

В силу каких-то обстоятельств, по решению матери семья переехала в Москву. Раиса Александровна какое-то время преподавала в ВХУТЕМАСе. Последние годы работала в живописи, в очень своеобразной технике – маслом, как акварелью. Остались детские, поразительно зре-

Работы М.Иванишвили

лые работы. Иллюстрации к прочитанным книгам. Акварель, тушь.

В частных коллекциях хранятся эскизы к монументальной стенописи, так и неосуществленной.

В 1947 году в Москве умерла еще одна сестра – Юлия Александровна. Психиатр. Некоторое время, до революции, она была замужем за известным врачом-психиатром Михаилом Асатиани. После смерти дочери они расстались. Впоследствии, переехав в Москву, она участвовала в организации логопедических кабинетов по всему СССР.

В 1994-ом умерла моя мать, Ольга Георгиевна Кониашвили, художник театра, график, многие годы проработавшая в Музее истории и этнографии Грузии.

2000 год. Выставка. «Возвращение имен». Посмертно.

Папки графических работ с раннего детства и тетради со стихами. Надолго запомнившиеся рассказы.

Вот и все, что я могу написать о людях, ушедших давно, но с которыми меня незримо что-то связывает... Искусство.

А может, искусство и есть та самая идея. Идея рода.

Марина ИВАНИШВИЛИ

РЕДКАЯ ЖЕМЧУЖИНА КАВКАЗА

Днем 12 марта в курортном поселке Абастумани Адигенского района (Южная Грузия) возник пожар в женском монастыре Святого Великомученика и целителя Пантелеймона. На борьбу с огнем были брошены десять пожарных расчетов Адигенского и соседнего Ахалцихского районов. Помощь в тушении пожара оказали и местные жители.

Несмотря на это, пожар почти полностью уничтожил трехэтажное деревянное здание, где были расположены кельи, а также кухню, столовую и рабочие комнаты.

Однако, как утверждают в администрации Адигенского района, большую часть уникальной мебели и почти все иконы из сгоревшего здания удалось спасти. Их вынесли во время пожара служители монастыря, местные жители и сотрудники пожарной службы. Огонь пощадил и монастырскую церковь. Жертв и пострадавших от пожара нет.

Монахини и послушницы (всего около 50 человек) временно размещены в одном из санаториев Абастумани.

Причины возникновения пожара так и не установлены. Предположение, будто огонь возник из-за дровяной печи, опровергли сами монахини, заявившие, что в этот день ни в одной из келий огонь в печи не разводился. В качестве версий рассматривается и неисправность старой электропроводки.

Как сообщили в Министерстве культуры, охраны памятников и спорта Грузии, сгоревшее деревянное здание, построенное без единого гвоздя, будет восстановлено. «В прошлом году были сделаны фото и видеосъемки монастырского комплекса, который является памятником истории. Поэтому восстановление монастыря не составит особого труда», - сообщил журналистам министр культуры Николоз Вачеишвили. По его словам, определенную помощь в восстановлении комплекса готовы оказать представители деловых кругов Грузии.

В конце XIX - начале XX веков здание монастыря было одной из летних резиденций императорской фамилии Романовых. Николай II построил резиденцию в Абастумани для больного туберкулезом брата, великого князя Георгия Александровича, который здесь и скончался в 1899 году в возрасте 28 лет. После установления советской власти в здании находился правительственный дом отдыха. А в 1990-х годах комплекс

передали Грузинской Православной Церкви.

Второй сын императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, брат императора Николая II - великий князь Георгий Александрович жил в Абастумани в течение семи лет. В это время его посещали и другие члены императорской семьи, а также многие известные лица Российской империи. Здесь бывали мать Георгия Александровича - императрица Мария Федоровна, его сестры - великие княгини Ольга и Ксения, муж Ксении - великий князь Александр Михайлович. Дети Ксении и Александра Михайловича

временами подолгу оставались в Абастумани. Здесь бывал и брат Александра Михайловича - Георгий Михайлович. И, конечно же, сам император Николай II, который наезжал в Абастумани навестить брата.

Поселок Абастумани теснится в каменистом ущелье по обоим берегам речки Оцхе. По склонам ущелья густо растут вековые ели и пихты. А вдоль берега тянется аллея, засаженная величественными пирамидальными тополями в конце XIX века, когда этот поселок начал работать как всероссийский курорт.

Зимой в Абастумани лежит высокий снег. Летом же весь поселок в буйной зелени. С высших над ним скал можно видеть, что вдоль ущелья лежит голубая дымка. Ей и обязан Абастумани славой климатического курорта. Дымка состоит из мельчайших, обладающих целебными свойствами частичек, источаемых соснами и пихтами, которые оказывают лечебное воздействие на больные легкие. Эти места известны и целебными минеральными водами. По легенде, один из таких источников, называемый сегодня Богатырским, облюбовали еще воины Александра Македонского, которые принимали в нем ванны. В прежние времена к минеральным водам съезжались жители окрестных сел и жили тут иногда неделями.

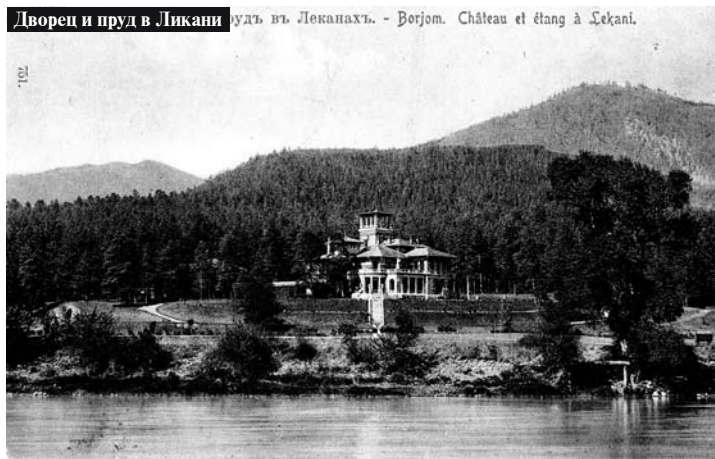
В 1828 году ключевой для Российской империи в стратегическом отношении город Ахалцихе, располо-

женный неподалеку от Абастумани, был занят русскими войсками под командованием генерала Ивана Паскевича. В те времена в Ахалцихе и Абастумани бывал Грибоедов. Он приезжал в гости к Паскевичу, который был женат на сестре поэта, и даже, как утверждает молва, давал генералу рекомендации военного характера. По легенде же, именно А.С.

на Кавказе. Очарованный красотой Боржомского ущелья, он построил там свою летнюю резиденцию. Вначале это был двухэтажный деревянный дворец в мавританском стиле, а затем сын Михаила Николаевича - великий князь Николай Михайлович выстроил дворец по проекту архитектора Бенуа. Его можно

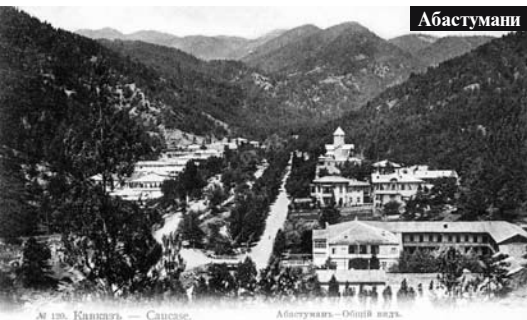

Дворец в Ликани

Дворец и пруд в Ликани

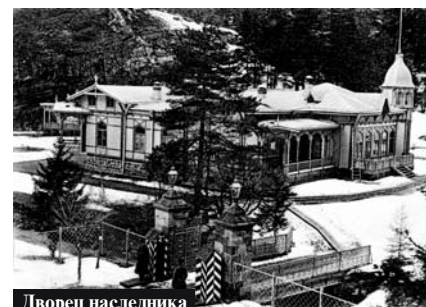
Пруд в Леканахъ. - Borjom. Château et étang à Lékani.

Абастумани

Дворец в Абастумани

Дворец наследника

Грибоедов назвал Абастумани «редкой жемчужиной Кавказа».

В Абастумани развернули полевой госпиталь, где залечивали раны русские офицеры и солдаты. Военные врачи отмечали, что выздоровление наступает здесь значительно быстрее, чем в других местах. В 1832 году лазаретом Ахалцихской крепости заведовал Э. Гольмблат, позже назначенный военно-медицинским инспектором Кавказского военного округа. Наблюдая за больными, он пришел к выводу об исключительной целебности вод и климата Абастумани.

В 1869 году высочайшим указом Абастумани был переведен в гражданское ведомство, и великий князь Михаил Николаевич, сын Николая I, который был тогда наместником на Кавказе, поручил заведовать минеральными водами Тифлисской губернии (боржомскими, абастуманскими и урavelьскими) доктору А.А.Реммерту. «Абастумани обладает такими прекрасными климатическими особенностями, каких нет нигде на Кавказе и даже, можно смело сказать, нигде в Европе», - писал доктор.

Великий князь Михаил Николаевич живо интересовался лечебными свойствами минеральных вод и возможностями устройства климатических курортов

видеть и сейчас, по пути из Тбилиси в Абастумани.

В 80-е годы XIX века в Абастумани было построено прекрасно оборудованное ванное здание с 32 кабинками, мраморными бассейнами, которое сегодня пришло в некоторое запустение, но до сих пор функционирует. А в конце XIX - начале XX столетий курорт Абастумани пользовался большой популярностью у жителей России. Сюда съезжались отдыхать и лечиться как из обеих столиц, так и из окраинных областей империи.

С учетом исторического значения пострадавшего от пожара комплекса к процессу его восстановления подключились депутаты парламента Грузии. С призывом выделить «кто сколько сможет» из мартовской зарплаты на восстановление сгоревшего деревянного здания женского монастыря в Абастумани к парламентариям обратилась председатель высшего законодательного органа страны Нино Бурджанадзе. На инициативу откликнулись 157 депутатов и ряд сотрудников аппарата парламента, которые внесли свою лепту в финансирование восстановительных работ.

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ

«КОГДА РАБОТАЮ, ЧУВСТВУЮ, ЧТО ЖИВУ»

В Тбилиси побывал Эльдар Александрович Рязанов. Приезд выдающегося кинорежиссера сопровождался ретроспективным показом его знаменитых фильмов. В оперном театре состоялся творческий вечер мастера.

Предлагаем читателям беседу с ним.

- Эльдар Александрович, вы давно не были в Грузии. Кто был организатором нынешнего приезда?

- Когда я был в последний раз? Я думаю, лет 20 назад, не меньше. Я приехал по приглашению Союза кинематографистов Грузии и Министерства культуры, охраны памятников и спорта Грузии, всю юридическую, материальную и организационную часть взяла на себя компания «DLA Piper Гвинадзе и партнеры», и лично один из ее руководителей Константин Лусинян-Рижинашвили, за что я им очень благодарен. Вы знаете, я давно хотел приехать в Грузию, соскучился и по стране, и по ее замечательному народу, такому талантливому, артистичному. Здесь у меня много друзей, в том числе и вы, дорогая Донара. Но давняя мечта все откладывалась, я считал абсурдным лететь в Тбилиси через Франкфурт, Стамбул или Киев. Рад, что сейчас эта проблема отпала.

- А когда и как вы попали в Тбилиси впервые?

- Вы удивитесь, но первый визит в Грузию состоялся 67 лет назад, мне тогда было 13 лет. Приехал я в Тбилиси с мамой и младшим братом 3 июня 1941 года к отчиму, который был на переговорах в связи со строительством в Грузии авиационного завода (он был главным инженером). Я много ходил по городу (мне очень нравятся кривые улочки старых районов, булыжные мостовые, дома с нависающими балкончиками), пешком поднимался на Мтацминду к могилам Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе. Участвовал в каких-то конкурсах, выигрывал книги. Прочитал

Эльдар Рязанов

тогда первый том романа Анны Антоновской «Великий моурави» (позднее с нетерпением ждал выхода следующих томов) и «Георгия Саакадзе» Василия Барнова. Потом я прочитал «Витязя в тигровой шкуре»...

- А что запомнилось больше всего из той первой поездки?

- Первый день войны - 22 июня 1941 года. Так как решили лето провести в Коджори, в воскресенье мы с мамой, сотрудники отчима, на грузовике отправились снимать дачу. В доме не было ни электричества, ни радио. Сейчас вы поймете, почему это важно. Когда вечером мы вернулись в город, нашу машину остановил милиционер, проверил документы, сказал: «Поезжайте» и добавил загадочную фразу: «Нашли время, когда кататься!» Никто из нас ничего не понял. Мы приехали в гостиницу «Тбилиси», я включил радио и вдруг услышал, что началась война. Я влетел в комнату родителей с криком: «Ура! Ура! Началась война!» Я был счастлив. На следующий день, в поне-

дельник я помчался в книжный магазин, который, как сейчас помню, назывался «Сахелгами», и купил карту Западной Европы для того чтобы втыкать флажки. К сожалению, она мне понадобилась очень нескоро.

В одно мгновение жизнь круто изменилась. Вернуться в Москву мы не могли, т.к. въезжать в столицу с детьми было запрещено. Было решено ехать в Самару (тогда город именовался Куйбышевым) к маминим сестрам. Ехали сначала на поезде (через Баку), потом на пароходе до Астрахани, от Астрахани до Сталинграда плыли на речном пароходе. И тут произошла страшная история. Оставив меня с братом на пароходе, мама сошла на берег, чтобы получить на почте денежный перевод отца. Пароход должен был стоять определенное время, но в Сталинграде его осаждало такое количество народа, что капитан, испугавшись, приказал отчалить. В результате мама осталась на берегу, а мы поплыли в Самару. Согласитесь - ситуация довольно сложная. Можно было впасть в панику. К счастью, мама была сильным человеком, она не растерялась, нашла военкома, рассказала что произошло, он оказался чутким человеком, отдал распоряжение, маму посадили на быстроходный катер, они догнали пароход, который замедлил ход, и маму благополучно переправили к нам.

Потом я бывал в Тбилиси либо на съемках, либо на съездах кинематографистов, либо еще на каких-либо мероприятиях. Мне запомнился один съезд, когда делегации «старшего брата» из Москвы решили устроить прием в ... кабинете директора пивного завода. Больше всего меня потрясло то, что труба из цеха шла прямо в комнату, где нас собрали. Директор просто открывал кран и наполнял кружки. Ничего себе вечерок! В Грузии всегда было очень тепло и симпатично, вот только по части съеденного и выпитого всегда ощущалось излишество. Это было тяжело, но ... приятно.

- *Что было самого замечательного со времени моего первого с вами интервью. Вы тогда только-только закончили свой фильм «Служебный роман».*

- Самое хорошее - это работа. Я в общем живу для того, чтобы снимать фильмы. Я работаю все время. За время, о котором мы говорим, сделал 13 фильмов. Работа для меня - счастье. Когда ты занят конкретным делом, не думаешь о том, что стареешь, что смерть не за горами, что рядом - огромное неблагополучие. Обо всем этом думать просто некогда. И слава Богу!

- *Как вы сами писали, во ВГИК вы поступили случайно. Вашей мечтой было Одесское мореходное училище. Когда пришло осознание того, что вы сделали правильный выбор, предопределивший всю вашу жизнь?*

Вы знаете, отдельные мысли по этому поводу мелькали по ходу жизни. А окончательно я понял, что мой выбор правильный, лет 5-6 назад, когда кончил снимать фильм «Старые клячи». Я понял, что родил-

ся для того, чтобы делать кино, что это главное дело моей жизни.

- *У вас были замечательные соавторы - Брагинский, Горин, Квирикадзе...*

- С Эмилем Брагинским мы встретились как бы случайно и решили попробовать вместе написать сценарий на сюжет про человека, который угонял машины у людей, живущих на нетрудовые доходы, одним словом, у жуликов, продавал их, а деньги переводил в детские дома. Деточкина играл глубокий, тонкий и гениальный Иннокентий Смоктуновский, который вложил в эту роль не только юмор, легкость, но и глубокие, внутренние собственные размышления о чести, справедливости, достоинстве. Но все это было позже, а пока мы написали сценарий «Угнали машину», его запустили в производство, а потом вдруг запретили. Нам было жаль нашего сюжета, да и сдаваться без боя охоты не было, и мы написали повесть на основе сценария, опубликовали ее, после чего нам разрешили ее экранизировать. Все вернулось на круги своя. После того как мы сделали фильм «Берегись автомобиля», мы поняли, что нам надо работать вместе. И проработали четверть века! А потом разбежались, и не потому, что поссорились, а потому что, по словам Эмиля, исчерпали потенциал взаимного творческого настроения.

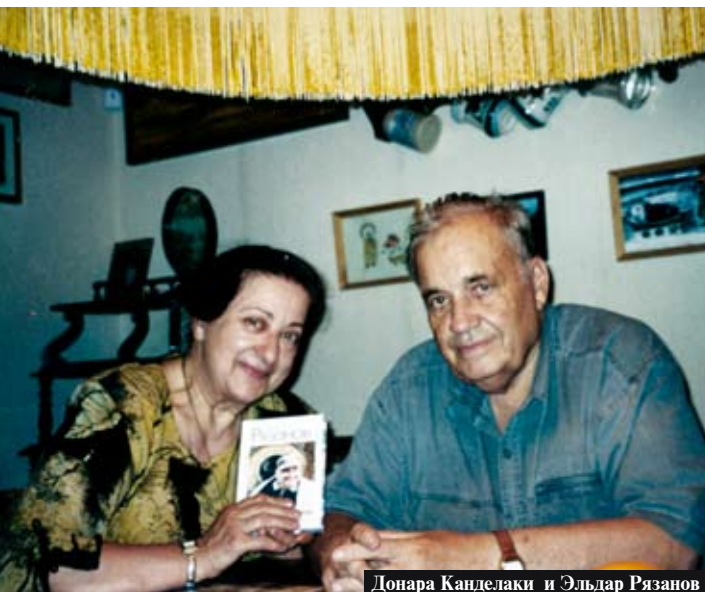
Но летом 1997 года мне пришел в голову сюжет комедии о любви, и я подумал: это нам надо сочинять вместе с Эмилем. Он принял мое предложение с радостью, и мы начали писать «Тихие омуты». Весной 1998 года сценарий был готов. На экраны фильм вы-

На пресс-конференции

шел в 2000 году, но Эмиль его посмотреть не успел - 26 мая 1998 года, возвращаясь из Франции, куда он ездил с женой, он скоропостижно скончался в аэропорту Шереметьево.

Еще я работал с Гришей Гориним, моим другом и замечательным писателем. Мы делали с ним фильм

Донара Канделаки и Эльдар Рязанов

С супругой Эммой.

«О бедном гусаре замолвите слово» - самую трагическую (по работе) картину в моей жизни, т.к. столько поправок, вырезок, издевательств со стороны чиновников, всяких инстанций, которые я пережил - не счесть. Причина понятна. Хотя события разворачивались на фоне николаевской России (с Бенкендорфом, III отделением, филерами и т.д.), все прекрасно понимали, что фильм делается не про то, а про наше непростое время. Картину долго не выпускали, потом показали один раз, но резонанс был такой, что ее положили на полку на пять лет. И в самые трудные моменты Гриша был рядом со мной, разделяя все беды и горечи, которые сваливались на наши бедные головы, и не позволяя окончательно впасть в уныние.

Картина была так изрезана, что не осталось ни одной целой копии. Чтобы привезти сюда полный ее вариант, пришлось проделать огромную работу, потратить много сил, времени, денег. Но я очень рад, что тбилисские зрители смогут посмотреть не искаленного, а полноценного «Гусара».

Замечательно мне работалось с Ираклием Квирикадзе. Фильм «Андерсен. Жизнь без любви» был задуман очень давно, но тогда я понимал, что по ряду причин он не может быть снят. Прошли годы, и во время приема у президента Путина по поводу моего 75-летия Владимир Владимирович задал мне вопрос о моих творческих планах. Сказать по правде, на тот момент никаких планов у меня не было, но признаться в этом было как-то неудобно и я вспомнил про Андерсена. Но тут же добавил, что осуществление моей задумки потребует больших денег и поэтому она вряд ли будет претворена в жизнь. «Ну почему же? Мы поможем», - абсолютно неожиданно для меня отреагировал президент. Ну что мне оставалось делать? Вот я и взялся за Андерсена. А Путин не забыл об обещании и впрямь помог.

- Со слов почти всех исполнителей знаю, что они любят у вас сниматься. За полвека у вас снялось множество актеров. Как вам удастся подобрать ключик к

каждому, ведь люди такие разные?

- Я принадлежу к тем режиссерам, которые считают, что фильм - это диалог; диалог с оператором, диалог с актерами, диалог со сценаристом и т.д. Если я угадал артиста, и артист талантлив, то я его люблю. Он понимает, что я его люблю, и старается эту любовь оправдать.

Мне повезло, что в моей первой художественной картине «Карнавальная ночь» снимался выдающийся Игорь Ильинский. Ильинский был актером старого толка, воспитанный на уважении к режиссеру, и на картине он выказывал мне столько уважения, что молодым актерам не оставалось ничего другого, как следовать его примеру. Они, видимо, думали, уж если такой «матерый волк», как Ильинский, так относится к Рязанову, наверное в нем что-то есть. У меня ни разу не было скандалов, не было ни одного актера, с которым у меня сложились бы неважные отношения. Всегда была взаимная любовь. Смоктуновский как-то признался мне: «Я вас полюбил, когда однажды, придя на съемку, вы вдруг сказали: «Ребята, я не знаю, как это снимать».

- Большую роль в ваших фильмах играет музыка. Как вам удается «попадать в десятку» при выборе композитора?

- Увы, у меня нет никакого музыкального образования. Музыкальной памяти и слуха - тоже. Это плохо. Но я очень люблю музыку. Я приглашаю такого композитора, чья музыка мне нравится, чью музыку я бы хотел иметь дома на магнитофоне, в машине.

Много лет назад я увидел картину моего друга и замечательного режиссера Георгия Данелия «Путь к причалу», в которой были дивные песни Андрея Петрова. Мы познакомились, я пригласил его к себе, он пришел. Очень скоро мы подружились. Нашей первой совместной работой стал фильм «Берегись автомобиля». Вальс, который в нем звучит, вместе с вальсами Арама Хачатуряна к драме М.Лермонтова «Маскарад», Евгения Доги к фильму «Мой ласковый

и нежный зверь», Георгия Свиридова к «Метели» я считаю лучшими вальсами XX столетия. С Петровым мы сделали 15 картин и, каюсь, несколько раз я его разыгрывал. Когда не находил нужного текста, я посылал ему свои стихи под именем Давида Самойлова, несуществующего поэта Блейка и даже Юнны Мориц.

С Микаэлом Таривердиевым связана забавная история. Я собирался делать «Иронию судьбы» и мне нужны были 8 песен. Понимая, что ни один композитор не напишет 8 шлягеров, я пригласил четверых - Петрова, Таривердиева, Френкеля и, уже не помню, то ли Шварца, то ли Островского. Все согласились, но по ходу работы трое под разными предлогами «отпали». Остался один Таривердиев. Все песни достались ему одному. У меня с Микаэлом сложились дивные, замечательные отношения.

Много позже, когда я стал делать картину «Тихие омуты» (она тоже о любви), мне захотелось, чтобы там прозвучала музыка Таривердиева. Я попросил Веру - замечательную женщину, верную жену и популяризатора творчества Микаэла о помощи. Она пустила меня в «закрома», и я нашел там замечательные мелодии, которые и легли в основу музыкальной трактовки этого фильма.

- Как родилась идея создать клуб «Эльдар»?

- Вы приезжаете в Москву, видите, как она хорошеет и молодеет, а я понимаю, что сам моложе не становлюсь, а без работы сидеть не могу. И придумал: надо сделать киноклуб, комедийный центр. Пришел к нашему мэру Юрию Михайловичу Лужкову, ему идея понравилась, нашли нужное помещение. Город взял все заботы на себя. Клуб - его собственность, я - наемный работник, художественный руководитель. Заправляет всем моя жена Эмма (она руководила в Свердловске Бюро кинопропаганды, потом работала в Московском киноцентре), а я там работаю «вывеской». Ну а если серьезно, клуб - мое любимое детище. У нас своя замечательная публика, интеллигентная, образованная. В клубе кинотеатр с тремя залами, кофейня, кафе «Берегись автомобиля», ресторан «Жестокий романс», в стильном фойе бронзовые портреты трех режиссеров-комедиографов Гайдая, Данелия, мой и живописный портрет великого Чаплина - дар президента РАХ Зураба Константиновича Церетели. Еще у нас созданы мини-музеи Гайдая, Суриковой, Данелия и мой. Мы показываем фильмы, устраиваем в литературно-музыкальном салоне встречи с музыкантами, писателями, наши вечера не похожи один на другой. Нашими гостями были Ахмадулина, Нани Брегвадзе, Лановой, Жванецкий, Пономарева, Веллер, Улицкая, Арбатова. Один вечер был посвящен Арсению и Андрею Тарковским. Словом, у нас уютно, интересно и приятно.

«Андерсен. Жизнь без любви»

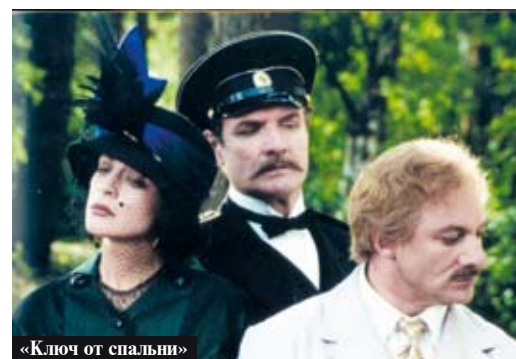
- Вас связывают с Грузией давние, глубокие, очень теплые отношения. Назовите, пожалуйста, любимого писателя и любимый кинофильм.

- С писателями несколько сложнее. Кроме Руставели и Барнова, это Николай Бараташвили и Нодар Думбадзе. Что же касается грузинского кино, тут их целая россыпь. Грузинское кино было одной из главных доминант палитры советского кино. Обожаю ваши короткометражки, работы Тенгиза Абуладзе, Отара Иоселиани, Резо Чхеидзе, братьев Шенгелая, двух Нан - Джорджадзе и Джанелидзе, Ираклия Квирикадзе, Гугули Мгеладзе. Простите великодушно, если кого-то забыл. Но люблю всех без исключения! Очень жаль, что были лишены возможности знакомиться с работами последних 10-15 лет, особенно молодого поколения.

- Продолжает ли кто-нибудь из младших представителей семьи Рязановых вашу профессию?

- Впрямую, нет. Но внук Митя Трояновский учится на факультете телевидения РГГУ. Параллельно с учебой он два года проработал в редакции «Московского комсомольца».

- Вы пробыли в Тбилиси неделю. До-

«Ключ от спальни»

«О бедном гусаре замолвите слово»

вольны ли вы своим визитом?

- Более чем. И вы знаете, что это искренние слова, а не дежурная любезность. Я побывал во Мцхета, в Кахетии, встречался с замечательными людьми, был награжден Орденом Чести, избран почетным членом Союза Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», общался со студентами университета театра и кино. Меня буквально потряс прием, который мне устроили зрители, пришедшие на творческий вечер в оперный театр. Но, пожалуй, еще более удивило то, что меня на улице узнавали самые разные люди. И старые, и молодые. И говорили добрые слова. Это было очень приятно.

Донара КАНДЕЛАКИ

«ТИКАНАДЗЕ МУДРЫЙ БЫЛ!»

Их первая встреча мало похожа на те, что любят описывать журналисты, – как некий юноша впервые переступил порог борцовского зала и, зачарованный, на всю жизнь остался верен этому мужскому занятию.

В сентябрьский день сорок восьмого года на динамовском стадионе в Тбилиси шло академическое занятие по грузинской борьбе. Вахтанг стоял на краю ковра, дожидаясь соперника, но сердцем был на футбольном поле, куда высыпали на тренировку его товарищи по сборной команде Грузинского института физической культуры. Он играючи победил в схватке, но особого значения этому не придал и удивился, услышав реплику преподавателя: «Балавадзе, останься на ковре!»

В тот день Михаил Тиканадзе предложил ему бороться поочередно со всей группой, и он переборол всех, одного за другим, и вышел победителем этого марафонского поединка. «Значит так, жду тебя завтра в спортивном зале», – с этими словами расстался с ним его будущий тренер, от чьего взгляда не остались незамеченными удивительная устойчивость юноши на ковре, его чемпионское сердце.

Вахтанг Балавадзе мечтал стать футболистом, успешно пробовал себя на месте центрфорварда, входил в вузовские сборные по нескольким видам спорта – он бегун-перворазрядник, перспективный пловец, но с годами, его двукратного чемпиона мира, бронзового призера Мельбурнской олимпиады, назовут профессионалом вольной борьбы. С легкой руки президента Международной любительской федерации борьбы (ФИЛА) Роже Кулона в 1953 году в Бухаресте на первых Дружеских Играх молодежи, на которых Балавадзе праздновал победу.

Интуиция не подвела Михаила Егоровича в тот день на стадионе и позже, когда он возглавил грузинскую сборную борцов вольного стиля, выводил на мировой ковер будучи великим тренером и одним из трех «китов». Наряду с Шалвой Нозадзе и Петра Иорданишвили. На них держалась отечественная вольная борьба – когорта грузинских богатырей, чемпионов страны и мира; потом их дело продолжили Василий Илуридзе и Георгий Ростиашвили.

Одного Вахтанга Балавадзе достаточно, чтобы понять величие Тиканадзе-тренера. И лучше других об этом сказал сам Вахтанг Михайлович. Это уже не тот 14-летний паренек из села Ганири Самтредского района, что взял без спроса из дома пустые холщевые мешки, чтобы пошить из них борцовские куртки-чохи

Михаил Тиканадзе

для энтузиастов сельской секции. Пропажа потом раскрылась и больше других смеялись родители Вахтанга; как известно, победителей не судят, тем более по-родственному. Одним словом, когда молодой мочидаве попался на глаза Михаилу Егоровичу, тот распознал среди огромного числа парней подлинный самородок. Балавадзе вспоминал, как его тренер в Институте физкультуры Михаил Тиканадзе вначале просто запрещал ему осваивать новые приемы в вольной борьбе, говорил, что нужно научиться без чохи (вот где аукнулись ганирские мешки!) проводить все то, что он уже умел. «Он не переучивал меня, а дополнял, шлифовал. Я только сегодня могу оценить, какой мудрой и бесценной была роль Тиканадзе в моей спортивной судьбе. Он сохранил мой стиль, мое лицо – без этого в настоящие борцы я не сумел бы выбиться».

Тренировались они, как говорится, не галочки ради. Приходили с работы, наскоро перекусив чем бог послал, после короткого отдыха в девять часов вечера спешили на тренировку; заканчивались занятия в час ночи, а то и в два. Вот где закалялась сталь будущих чемпионов. Богатырской колыбелью их была все та же чидаоба, откуда тренеры и занимающиеся черпали силы и приемы любимой народной борьбы, изобретая новинки-жемчужины.

К тому времени Тиканадзе – дипломированный специалист, – закончил в 1950 году педагогический факультет Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры имени Сталина, получив, естественно, отличные оценки на государственном экзамене и по спортивной специализации – борьбе.

Балавадзе выступал в олимпийском Мельбурне в ранге чемпиона мира. В четвертом круге его ждала принципиальная схватка со старым знакомым – серебряным призером Хельсинкской олимпиады шведом Берлиным, имевшим две победы. Вахтанга устраивала только победа на туше, выигрыш по очкам исключал его из числа претендентов на призовое место. На первых минутах он проводит несколько бросков, но шведу удается избежать чистого проигрыша. И Вахтанга – в который раз! – выручает грузинская борьба. За минуту до окончания схватки он сбивает соперника зацепом, и вот она, необходимая, как воздух, чистая победа.

В начале 60-х годов наш первый чемпион мира в вольной борьбе прекратил выступления в большом спорте. Об одном Вахтанг жалеет: поздно, в 27 лет дебютировал на мировом первенстве. Проводились они раз в три года. Вот если бы позволили, то, думает, обязательно стал бы олимпийским чемпионом. Такая возможность у него была на Олимпиаде в Хельсинки. Но тогда 25-летнего чемпиона СССР Балавадзе оставили среди зрителей, на ковер вышел один из тренеров советской сборной 3-кратный чемпион страны Василий Рыбалко, который проиграл две схватки по

вают сильных борцов: и железный человек, и двухмоторный, и чемпион чемпионов, но профессором борьбы нарекли одного Балавадзе. Какой он душевный, добрый и красивый человек!»

Прекрасные слова, и как жаль, не прозвучали они на Олимпиаде в Хельсинки. Олимпийским чемпионом, к тому же дважды, стал пятикратный чемпион мира Леван Тедиашвили, этот спортивный «внук» Михаила Тиканадзе. В 1986 году на вопрос кто больше всего помог ему в жизни он ответил: «Родители, тренеры, «дедушка» Тиканадзе. Я называю так заслуженного тренера СССР Михаила Егоровича Тиканадзе потому, что он тренировал и меня, и моего нынешнего тренера Вахтанга Михайловича Балавадзе».

Кстати, о секретах знаменитой школы палаванов. Балавадзе рассказывал: «Один олимпийский чемпион, очень техничный борец, говорит: «Твой Тедиашвили бороться не умеет! Ни один прием правильно не проводит!» – «Верно, – говорю – ни один правильно, но зато проводит все! Пять «миров» выиграл и две Олимпиады! Тебе мало? Мой тренер Тиканадзе говорил: «Зачем правильная техника, если борец не хочет побеждать? А если захочет, он найдет свою технику... Леван хотел побеждать. Правильно говорил Тиканадзе, мудрый был!»

Родился Михаил в 1905 году в дворянской семье. Отец, Егор Тиканадзе, был фармацевтом, мать, Мария Миминошвили, помогала ему в аптеке. Старший брат отца Иван преуспел по медицинской части, стал профессором гинекологии.

Патриарх вольной борьбы начинал в спорте во времена, когда его первых энтузиастов называли циркачами. Приходилось убеждать родных, что нет ничего зазорного в том, что агроном из села Макванети Озургетского уезда, выпускник сельскохозяйственного техникума и сельскохозяйственного факультета Тбилисского государственного университета имени Сталина занимается борьбой. А пришел он к ней из лело, этой игре обязан был молниеносной реакцией, сокрушительными атаками. В 1926 году инструктор классической борьбы Тиканадзе стал чемпионом Закавказья в комплексном многоборье, включающем борьбу, тяжелую атлетику, метания. В последующие годы неоднократно выигрывал первенства Тбилиси и Грузии по борьбе. Соперники знали его излюбленные приемы, молниеносные бедровые броски, безупречную борьбу в партере, но ничего не могли противопоставить.

В 1945 году в сорок лет Тиканадзе в очередной раз удивил спортивный мир – был вторым на всесоюзном первенстве профсоюзов, собравшем цвет борьбы.

Тот год памятен зарождением отечественной школы вольной борьбы, колыбель которой качали заслуженные ученые и тренеры – Владимир Кириллович Крутьковский, Михаил Егорович Тиканадзе, Арам

Михаил Тиканадзе, Вахтанг Балавадзе. 1959 г.

баллам и выбыл из соревнования.

Спустя годы заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Василий Николаевич Рыбалко скажет: «Не знаю другого борца, кто бы так мастерски боролся в стойке. Создавалось впечатление, будто у Вахтанга Балавадзе две пары рук – настолько разнообразно он действовал ногами. Как только ни назы-

Васильевич Ялтырян, Вахтанг Мелитонович Кухианидзе, Виктор Гаврилович Корнилов, Арташес Сергеевич Карапетян, Андрей Сергеевич Челидзе, Василий Николаевич Рыбалко... Своими силами, без чьей-либо помощи со стороны они сумели создать самую яркую школу вольной борьбы.

Победителями первого чемпионата СССР по вольной борьбе в 1945 году стали Арташес Карапетян (Москва), Василий Илуридзе (Тбилиси), Арам Ялтырян, Василий Рыбалко (оба - Киев), Давид Цимаку-

ридзе, Вагаршак Мачкалян, Арсен Мекокишвили (все - Тбилиси).

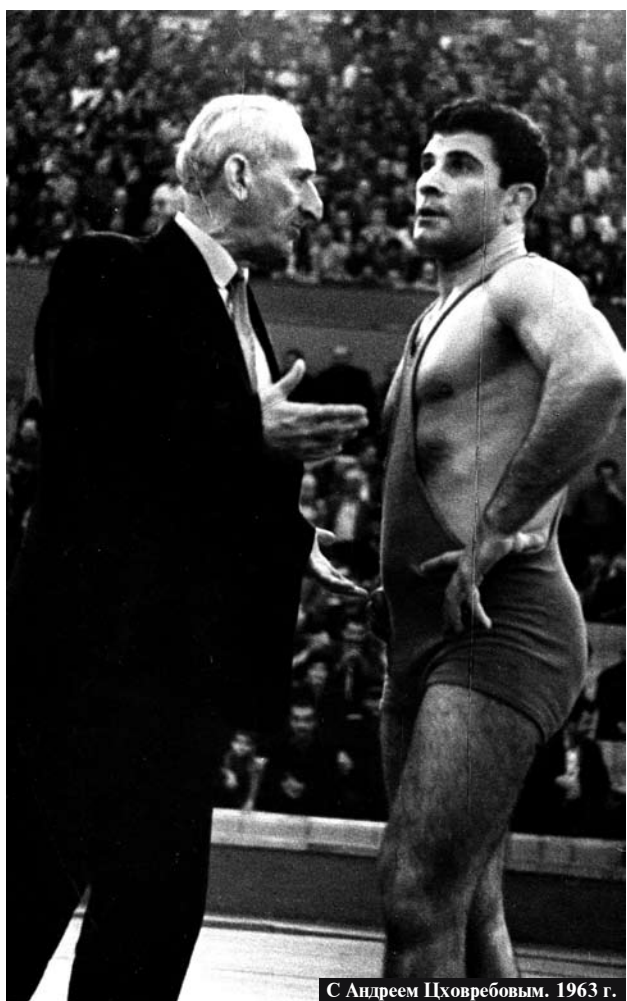
Тиканадзе владел секретами подготовки атлетов экстра-класса. О самых именитых его учениках мы уже вспоминали. Рядом с ними набирались мастерства и блистали на ковре чемпионы СССР Варлам Гиgiaдзе, Владимир Арсенян, Андрей Челидзе, Тариел Алибегашвили, Спартак Карсаулидзе, а также призеры все-союзных первенств и многократные чемпионы Грузии Александр Майсурадзе, Зураб Дентошвили, Валериан Батлидзе, Георгий Гзиришвили, Ушанги Барнабишвили,

А.Майсурадзе, Б.Мазиашвили, Г.Вардзелашвили, Т.Сакуашвили, М.Тиканадзе, О.Канделаки, В.Майсурадзе. Середина 50-х гг.

Михаил Тиканадзе, Владимир Рубашвили

С Андреем Цховребовым. 1963 г.

Давид Чачанидзе, тренер сборной Волгограда Георгий Бедошвили, воспитатель кишиневских борцов Ираклий Двалишвили, махачкалец Г.Мухамедов, харьковчанин А.Халатов и более двухсот мастеров спорта. То была золотая пора грузинских борцов-вольников, которые десять раз выигрывали командой чемпионаты страны, первенствовали на V Спартакиаде народов СССР (1971), и вел их к победе старший тренер сборной Грузии Михаил Тиканадзе.

Среди его воспитанников также известные в прошлом мастера ковра Георгий Вардзелашвили, Бидзина Мазиашвили, Илья Чхартишвили, ставшие выдающимися педагогами и заслуженными тренерами СССР, а заведующий кафедрой борьбы Института физкультуры Нодар Окрошидзе и врач Ираклий Бибилеишвили стали учеными.

В середине 60-х годов – я тогда работал в редакции газеты «Вечерний Тбилиси» – ко мне обратился с просьбой наш фотокорреспондент Альберт Севоян – замолвить слово за его брата, студента-инфизкультуровца, мастера спорта по борьбе, который мечтал стать слушателем тренерской школы при институте. Руководил школой, конечно же, Михаил Тиканадзе, с которым я по

Сборная Грузии - созвездие чемпионов и выдающихся тренеров. Во втором ряду четвертый слева - М.Тиканадзе. Боржоми. 1967 г.

долгу службы общался. Отправляемся в дом на улице Палиашвили. Оробевший Альберт остался ждать снаружи. «Севоян? – переспросил меня Михаил Егорович, – как же, знаю его как хорошего борца». «Пусть ваш брат придет ко мне завтра», – сказал он приглашенному в квартиру Альберту. Мне остается добавить, что наш подопечный успешно закончил тренерскую школу, работал тренером в Ленинакане и приезжал на традиционный Тбилисский международный турнир по вольной борьбе на приз Вахтанга Балавадзе.

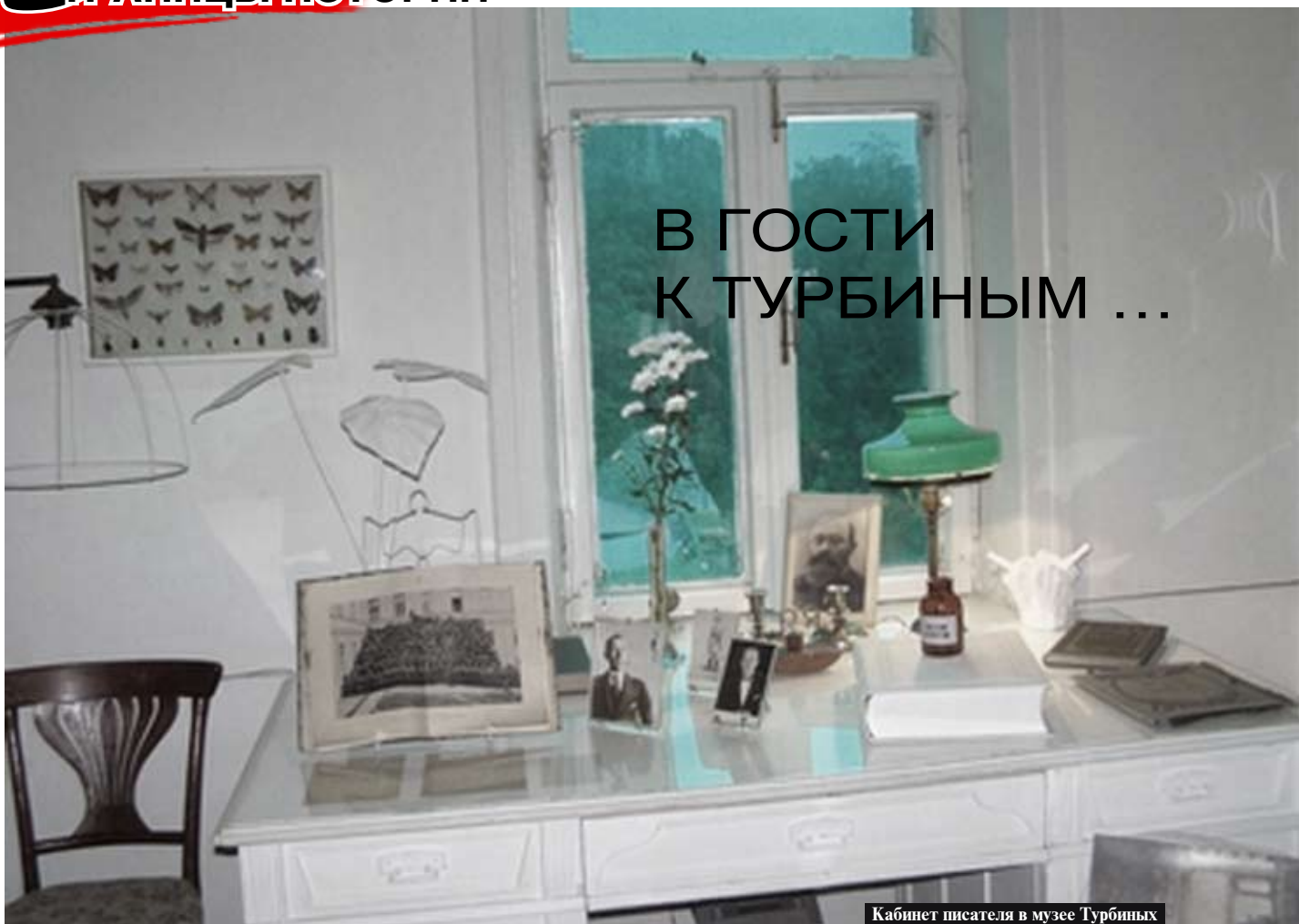
И вот через годы я снова стою перед подъездом знакомого дома, на котором по-прежнему нет мемориальной доски, которая могла бы напомнить современникам о не стираемых временем заслугах Михаила Егоровича Тиканадзе, которому в 2005 году исполнилось бы 100 лет со дня рождения. (Как нет ее и на доме Петра Андреевича Иорданишвили и Шалвы Ивановича Нозадзе.)

О вековом юбилее Михаила Егоровича не вспомнили ни на государственном уровне, ни в Клубе палаванов, чьим основателем и первым директором он был. Какой же Гераклов подвиг должен был еще совершить этот скромнейший и достойнейший человек, всенародно объявленный в 1999 году по результатам референдума Ассоциации спортивных журналистов лучшим трене-

ром Грузии по борьбе XX века, чтобы удостоиться этого последнего знака внимания, не обременительного для организаторов.

Вместе с дочерью Михаила Егоровича, Хварамзе, в который раз рассматриваю редкие фотографии, чудом уцелевшие после опустошительных набегов моих недобросовестных коллег, так и не вернувших в семью бесценные фотодокументы истории грузинского спорта. Того, кто основал и многие годы возглавлял кафедру борьбы Грузинского института физической культуры, 55 лет отдал любимому делу, более двух десятков лет руководил сборными командами Грузии и СССР, умея, как никто другой, создать должный психологический климат в команде, сплотить ее в коллектив. Заслуженный тренер Грузии и СССР (с августа 1956 г. – первым в Грузии по борьбе), заслуженный деятель физкультуры и спорта Грузии, судья всесоюзной категории по классической и вольной борьбе, кавалер ордена Трудового Красного Знамени и медали «За трудовую доблесть». Автор книг и учебников по борьбе, патриот и гражданин, обаятельный человек с неповторимым гурийским юмором.

Арсен ЕРЕМЯН

Кабинет писателя в музее Турбиных

Один из символов Киева – Андреевский спуск, хранящий много историй, подарил миру историю семьи Турбиных, эпохальной не только для русской литературы. Со времен Киевской Руси улица, связывающая Верхний город с Нижним (Подол) называлась Боричевым спуском. После того как в XVIII веке построили Андреевскую церковь, ее переименовали в Андреевский спуск. В доме номер тринадцать век назад – с 1906 по 1919 г. – снимала квартиру семья профессора Киевской духовной академии Афанасия Булгакова. Дом был построен в 1888 году по чертежам и личному наблюдению архитектора Николая Горденина. Семья занимала семь комнат второго этажа. Сюда писатель поселил и литературную семью Турбиных. Фамилия Турбиных нисходит к роду бабушки Михаила Афанасьевича.

В 1982 году на доме была установлена мемориальная доска с барельефом. Киевский горисполком принял решение о создании дома-музея М.А. Булгакова как филиала Музея истории города Киева. Его открытие приурочили к 100-летию со дня рождения писателя, которое отметили 15 мая 1991 года. Вначале был разработан план реставрации дома. Заведующая научно-исследовательским сектором Кира Питоева-Лидер создала оригинальную концепцию, отражающую историю семьи Булгакова и его литера-

турных героев.

В музее нас встречают сотрудники. Гид в костюме белого цвета, как и комнаты музея, вводит посетителей в знакомый по книге, но все-таки таинственный, мир. Осторожно переходим из комнаты в комнату, стараясь не потревожить хозяев скрипом половиц...

Директор музея Анатолий Кончаковский рассказывает историю Дома Турбиных, который пользуется популярностью как среди украинцев, так и гостей Киева. В молодости ему посчастливилось достать сборник произведений Михаила Булгакова. «Дома я сразу принялся читать роман «Белая гвардия», – рассказывает Анатолий Петрович. – Он, можно сказать, в корне изменил всю мою дальнейшую жизнь. С тех пор этот роман – моя настольная книга. По прочтении захотелось больше узнать о создателе романа, побродить по тем улочкам Города, которые с такой точностью и поэтично изобразил автор. Киевлянину Булгакову, который потом переселился в Первопрестольную, всегда грезился его родной, нежно любимый и вечный Город, в который он мечтал возвратиться».

Информацию о М. Булгакове тогда удалось собрать по крупицам. Как раз в 1967 году в журнале «Новый мир» выходит эссе еще одного киевлянина, писателя Виктора Некрасова – «Дом Турбиных».

С тех пор дом на Андреевском спуске называют Домом Турбиных. Анатолий Петрович решил посетить

этот дом. Его встретила дочь прежнего хозяина дома Инна Васильевна Листовничая. Она и рассказала о квартирантах – семье Булгаковых. Тогда же у Анатолия Кончаковского зародилась мысль о создании в Киеве музея писателя. В течение многих лет он общался с литературоведами, занятых изучением творчества М. Булгакова. Среди них и польский писатель Анджей Дравич.

Анатолий Кончаковский был знаком с супругами Михаила Булгакова. Завязалась переписка, из которой удалось узнать некоторые доселе неизвестные подробности из жизни Мастера. Анатолий Петрович вспоминает, что обе женщины были неординарными личностями... На основе многочисленных поездок и воспоминаний близких писателя Анатолий Кончаковский написал книгу «Легенды Дома Турбиных» и собрал уникальные экспонаты для музея.

Обе женщины связаны с романом. Закончив работу над рукописью, Михаил Афанасьевич посвятил ее своей второй жене – Любови Белозерской.

Летом 1908 года в Киев приезжает дочь управляющего саратовской Казенной палаты Татьяна Лаппа. Сестра ее отца – Софья дружила с матерью Михаила Афанасьевича, Варварой Булгаковой, и попросила его познакомить Татьяну с Киевом. Гимназистка и не подозревала, что ее первый гид по городу – будущий великий писатель. А пока она знакомилась с «Городом прекрасным. Городом счастливым. Над разлившимся Днепром». Вот, что вспоминала Татьяна Николаевна: «То было золотое время! Целыми днями, не ведая усталости, мы бродили по киевским улицам и паркам. Ходили в Киево-Печерскую лавру, посещали какие-то музеи. Часто бывали на Владимирской горке – излюбленном месте Михаила. Отсюда открывалась захватывающая картина днепровских далей...»

Булгаков обожал музыку. В юности брал уроки пения. Молодые часто посещали оперу и концерты в Купеческом саду. Свадьба Михаила и Татьяны состоялась 26 апреля 1913 года. Так что описываемые в романе события ей близки и хорошо знакомы, супруг, работая над «Белой гвардией», часто советовался с женой. Татьяне Николаевне было обидно узнать, что книгу Михаил посвятил своей новой жене.

С Белозерской Булгаков познакомился в 1924 году в Москве в компании писателей и журналистов. Ему было 32 года. Любовь Евгеньевна тогда расходилась со своим мужем, а Булгаков был уже разведен. Через год они зарегистрировали свои отношения. Вместе прожили восемь лет. Свое знакомство с молодым

Т.Лаппа

писателем она описывала так: «Этот голубоглазый со светлыми непослушными волосами, с неправильными чертами лица, среднего роста человек был мне хорошо известен по его наполненным юмором искрометным фельетонам, печатавшимся в берлинском альманахе «Накануне». Был крайне непоседлив, быстр и всегда куда-то спешил. С этой встречи Михаил не забывал меня и старался где только можно попасть мне на глаза».

Л.Белозерская

Михаил Булгаков. 1928 г.

Любовь Белозерская, узнав, что в Киеве будет открыт музей Булгакова, передала книги, мемориальные вещи писателя. Задолго до открытия музея Татьяна Лаппа подарила настольную бронзовую лампу, под которой был написан роман «Белая гвардия».

В музее наряду с другими экспонатами хранится

фотография писателя, на которой он изображен с мокнем и надписью: «Маррону милому, 1928 г. Москва». Марроном Булгаков называл друга их семьи Марию Артемьевну Чимишкиан (Ермолинская). По ее воспоминаниям, он очень любил розыгрыши и придумывал прозвища.

Музей сегодня посещают гости из разных стран. «На первом месте, если не считать России, Украины и Белоруси, больше всего туристов из Польши. Полякам с самого начала полюбили творчество Михаила Афанасьевича. Материалы для научной работы черпают здесь литературоведы из Франции, Италии...

Директор музея Анатолий Кончаковский

Дом Турбиных

ДНЕВНИК ЭПОХИ

Описывая природу Украины, невольно проводишь параллели с ее народом. Высокие стройные деревья, и, казалось бы, бескрайние поля, прерывающиеся скромными, со вкусом оформленными хатами, напоминают черты славянского характера – достоинство и подкупающую простоту. Хотя это последнее качество, которое так привлекает и очаровывает, нередко бывает причиной несчастья для его обладателя.

В «Белой гвардии» описана юность, счастливые дни большой, дружной семьи, которые прерывают тревожные времена, но члены семьи не пытаются приспособиться к ветру перемен, и тут показаны судьбы членов семьи русских интеллигентов, не изменяющих своим принципам, идеалам. Работая над романом, писатель в очередной раз посетил родной Киев. Он вспоминал: «Это были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей Родины жило беспечальное, юное поколение. Тогда-то в сердцах у этого поколения родилась уверенность, что вся жизнь пройдет в белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты, Днепр, Крещатик, солнечные улицы летом, а зимой не холодный, не жесткий, крупный ласковый снег...» Однако их надежды рушатся с гражданской войной. В 1919 году Булгаков назовет себя и своих героев «представителями неудачливого поколения».

«Роман этот я люблю больше всех других моих вещей» говорил Булгаков о «Белой гвардии», по которой он написал пьесу «Дни Турбиных» (1926).

Премьера спектакля состоялась на сцене МХАТа в 1926 году, художественным руководителем постановки был К. С. Станиславский. Известно, что этот спектакль Сталин смотрел неоднократно. Современники потом даже спорили, сколько раз он его посмотрел.

Писатель Виктор Некрасов писал: «Известно, что спектакль «Дни Турбиных» по пьесе М. Булгакова Сталин смотрел... 17 раз! Не три, не пять, не двенадцать, а семнадцать! А человек он был, нужно думать, все-таки занятой и театры не так уж баловал своим вниманием, он любил кино... а вот что-то в «Турбиных» его захватывало и хотелось смотреть, скрывшись за занавеской правительственной логи». (Некрасов В. Записки зеваки. М., 1991). Некоторые считали, что Сталину нравилась эта пьеса потому, что она утверждала непобедимую силу большевизма.

Весной 1929 года все пьесы Булгакова неожиданно были сняты со сцен театров. В марте 1930 года была запрещена к постановке его новая пьеса «Кабала святош» («Мольер»). Больше Булгакова при его жизни не печатали.

После того, как сотрудники музея любезно провели нас своеобразной экскурсией по жизненному и творческому пути писателя, я попросила Анатолия Кончаковского дать совет молодому поколению, которому как и сто лет назад поколению романа «Белой гвардии», свойственно мечтать, влюбляться, надеяться...

– В первую очередь, обязательно читать. В последнее время молодежь все больше обращается к альтернативным источникам информации, но книгу ничто не может заменить. Если не читать, то это будет для молодых большим упущением в воспитании, культуре, в духовном плане. Культура – это литература, философия, история... Это история своей страны: Украины, Грузии, России... Но история настоящая. Когда начинают переиначивать историю в угоду политическим партиям или личностям, то это уже не история. Она должна быть доступна молодым, так как им строить, двигать общество, государство... Пользуясь случаем, хочу пожелать братскому грузинскому народу добра, процветания и счастья.

Миранда ОГАНЕЗОВА

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Имя Константина Михайловича Алиханова тесно связано с музыкальной жизнью Грузии XIX века. Вместе с Х.И. Саванели и А.И. Мизандари он является организатором первой Музыкальной школы, которая затем превратилась в музыкальное училище и позднее явилась основой для создания Консерватории. Музыковед А. Мшвелидзе в своей книге «Очерки по истории музыкального образования в Грузии» называет этих трех деятелей «славными зачинателями музыкального образования в Грузии».

К.М. Алиханов (1848-1931) родился в Тифлисе в состоятельной, интеллигентной семье. Он учился в Тифлисской классической гимназии, затем поехал в Петербург, где в 1872 году окончил юридический факультет университета. Игре на фортепьяно он обучился с детства у преподавателя Э. Эпштейна, немецкого пианиста, который обосновался в Тифлисе и успешно здесь работал. Параллельно с учебой в университете он продолжал заниматься музыкой; позднее он вторично поехал в Петербург и два года учился в консерватории в классе известного педагога Лештинского. По возвращении на родину Алиханов одно время состоял на государственной службе, но затем включился в деловую практическую деятельность и особенно активно работал как директор «Кавказского товарищества торговли аптекарскими товарами». Это акционерное общество было создано в 1882 году и успешно развивалось: осваивались все новые отрасли деятельности, создавались новые магазины, были открыты отделения товарищества в Баку и Батуми. На Кавказской выставке 1901 года товариществу был присужден Почетный диплом «за инициативу в деле широкого распространения на Кавказе лечебных средств».

Коммерческая деятельность сделала Алиханова состоятельным человеком, но не оторвала от сферы искусства. Отметим, что позднее он был председателем Кавказского общества поощрения изящных искусств. На фотографии запечатлен вместе с секретарем общества Г.Гриневским, заведующим худо-

жественной частью Г. Башинджаганом и директором школы О. Шмерлингом. Надо думать, что его деятельность была полезной, ибо местные художники преподнесли ему на память большую палитру со своими рисунками.

Главным делом жизни Алиханова была музыка. Позднее в своей речи при открытии нового здания музыкального училища он следующим образом обрисовал начало музыкального образования в нашем городе: «Бывший ученик С.-Петербургской консерватории Харлампий Иванович Саванели возымел смелую мысль восполнить для Тифлиса настоящую потребность в музыкально-образовательном заведении», совместно с двумя своими товарищами – А.И. Мизандари и К.М. Алихановым – в 1874 году «открыл частную музыкальную школу». Учредители школы, не обладая материальными средствами, сумели, тем не менее, достигнуть значительных результатов благодаря прочному товарищескому союзу и преданности начатому делу».

Во вновь организованной школе Алиханов преподавал игру на фортепьяно и принимал участие в устраиваемых концертах. Однако его роль особенно значительна в практической организации и развитии музыкального образования. Как отмечает А. Мшвелидзе, с

расширением музыкальной школы усложнялись ее административные и хозяйственные дела; «их ведение было поручено К. Алиханову, который успешно совмещал это с концертной и педагогической деятельностью».

Алиханов оказывал помощь нуждающимся ученикам. В этом отношении его имя связано с первыми шагами музыкального образования Шаляпина. Известно, что великий певец начал свою профессиональную сценическую деятельность в Тифлисе, куда он попал в 1892 году. Здесь ему не удавалось устроиться на работу, и он уже собирался вернуться в Казань. Но

по совету одного знакомого пошел к преподавателю пения Д.А. Усатову. В прошлом артист императорской сцены Усатов сразу оценил необыкновенные вокальные данные Шаляпина и сказал, что будет бесплатно с ним заниматься. «Я был поражен, – пишет Шаляпин в своих воспоминаниях, – впервые видел я такое отношение к человеку». Но чтобы учиться надо было иметь средства для существования. Усатов послал своего будущего ученика с письмом к Алиханову. Шаляпин следующим образом передает свою встречу с ним: «Вы будете получать от меня 10 рублей в месяц. Вот вам за два вперед. – А что нужно делать? – Ничего. Нужно учиться петь и получать от меня за это по 10 р. в месяц. – Все это было совершенно сказочно. Один будет бесплатно учить меня, другой мне же станет платить за это деньги».

Позднее Шаляпин не забыл этого доброго отношения. Уже как известный певец приезжая в Тифлис, он всегда бывал у Алиханова, а на своей фотографии сделал надпись: «Добрейшему Константину Михайловичу Алиханову от искренне благодарного Ф. Шаляпина».

Исключительно важную роль Алиханов сыграл в деле создания собственного здания музыкального училища. Музыкальная школа работала в разных арендуемых для этого помещениях. В 1883 году было открыто Тифлисское Отделение Императорского Русского Музыкального Общества, оказавшаяся под его началом музыкальная школа через некоторое время получила статус музыкального училища и ежегодную

субсидию в размере 5 тысяч рублей. С этого времени музыкальное образование имело уже более прочную основу и число учеников стало быстро возрастать. Тем более остро чувствовалась необходимость иметь для училища собственное здание. Первый камень в это дело положил Антон Рубинштейн, который в бытность свою в Тифлисе в 1891 году дал концерт, сбор с которого пожертвовал на образование фонда для постройки здания музыкального училища. Но собрать необходимые для этого средства было трудно. За это дело взялся К.М. Алиханов, который с 1895 года и до ликвидации Музыкального общества в эпоху революции оставался бессменным председателем Тифлисского отделения. Он сумел привлечь внимание общественности к вопросу музыкального образования. От местных учреждений и частных лиц были получены крупные денежные пожертвования: от Тифлисского городского Кредитного Общества – 10 тысяч рублей, от А.И. Манташева и В.В. Тамамшевой по 5 тысяч, от братьев Степана и Якова Зубалашвили – 9 тысяч. Всего была собрана 41 тысяча рублей. Сам Алиханов на начальном этапе сбора средств пожертвовал 2 тысячи рублей.

В декабре 1899 года для постройки здания был приобретен участок земли на Грибоедовской улице, где и сейчас находится наша консерватория. Проект

Эмблема Кавказского товарищества торговли аптекарскими товарами

К. Алиханов

Г.Гриневский, Г.Башинджаган, К.Алиханов, О.Шмерлинг

здания и его строительство были поручены архитектору А.П. Шимкевичу. Была избрана строительная комиссия, которую возглавил К.М. Алиханов. В конце 1901 года началась постройка и к лету 1903 года двухэтажное здание было возведено и классные помещения были готовы, так что новый учебный год можно было начать в собственном доме.

Однако строительство еще не было полностью закончено, оставалось достроить, отделать и оборудовать концертный зал, а собранные средства к этому времени уже иссякли. Тогда Алиханов заявил, что он сам внесет 16 тысяч рублей. Этот поступок произвел сильное впечатление на общественность и получил отклик и в русской, и в грузинской прессе. Своим читателям об этом немедленно сообщили газеты «Цнобис пурцели» (29.04.1903 г.) и «Иверия» (30.04.1903 г.), а осенью в газете «Иверия» было напечатано сообщение, что за свое щедрое пожертвование Алиханов получил благодарственную телеграмму из Петербурга от вице-председателя Музыкального общества великого князя Константина Константиновича (30.10.1903 г.).

24 октября 1904 года состоялось открытие и освящение концертного зала (нынешний Малый зал консерватории). В иллюстрированном дополнении газеты «Цнобис пурцели» (18.11.1904 г.) были помещены снимки здания училища, концертного зала, классов, а также портреты зачинателей музыкального образования – Саванели, Мизандари, Алиханова. Об открытии зала писала и газета «Иверия». В частности здесь сказано: «К.М. Алиханов имеет большие заслуги в развитии и расширении деятельности Тифлисского отделения Музыкального общества, а особенно в деле

постройки нового здания. На это он пожертвовал 18 тысяч рублей – 2 тысячи в начале строительства, а остальные 16 тысяч на устройство и украшение концертного зала» (26.10.1904 г.).

В 1905 году вышло отдельным изданием описание торжественной церемонии открытия зала, на которую из Петербурга приехал вице-председатель Императорского Русского музыкального общества великий князь Константин Константинович (сам он был известным поэтом своего времени и печатался под псевдонимом К.Р.). В выступлениях Алиханова и членов дирекции была изложена история создания музыкального училища и сооружения нового здания. Выступавшие высоко оценили роль зачинателей музыкального образования, из которых Саванели к тому времени уже не было в живых: «Мы с грустью вспоминаем Саванели и восторженно поздравляем неутомимых К.М. Алиханова и А.И. Мизандари, поставивших школу на должную высоту». Особо подчеркивалась роль Алиханова в деле сооружения нового здания: «Сумев привлечь частных лиц и учреждения к пожертвованиям, вы и сами увенчали это дело, взяв на свои средства постройку и отделку концертного зала»; «Столь быстрое осуществление постройки собственного здания почти целиком обязано вашим трудам и энергии, без вашего участия дело постройки затянулось бы надолго, а может быть, и вовсе не осуществилось».

В благодарность за его деятельность в концертном зале училища поместили портрет К.Алиханова, который был снят уже в советское время.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

ЛЕТЯЩАЯ КЕЛЬЯ ГАЯНЭ

Откуда мы, из Агулис. 1993 г.

Гаянэ Хачатурян

Гаянэ выдумала мир, а мир выдумал Гаянэ. Наверное, чтобы не забыть свое детство. Уникальная художница Гаянэ Хачатурян – один из самых лучших вымыслов этого мира и тихих, ребяческих замыслов Творца. Самое частое слово в ее устах – «невероятно»: невероятная ситуация, невероятное впечатление, невероятные люди... Так и есть на самом деле. Она сама вероятна чем больше, тем невероятнее ваше воображение.

По ее словам, она не смотрит в зеркало уже более 15 лет. «До 45 лет на меня смотрел образ детства, там были более конкретные черты, а потом он ушел и появился другой, чуждый, и в то же время он выше. Тот образ, которого нет, - для глаза, а этот - для души. Зеркало несет для меня другую функцию. Оно имеет несколько пространств. Раньше было плоскостное видение, а сейчас глубинное. Себя вижу в образе летящей ночи и еще в отражении в воде. Ночь - потому что я больше себя слышу, когда все спят в городе. И это состояние перешло в образ летящей ночи, а отражение в воде – зеркало воды. Там глубинное видение себя».

Ее предки были зоками, с которыми связано много легенд (древнейшие армяне, есть даже версия, что это древние евреи, принявшие христианство), Гаянэ родилась в Тбилиси, а вся ее родня – из Агулис. Для Гаянэ Агулис – область души. Иногда кажется, что даже в этом начальном «агу» светится мудрый взгляд

Белая карусель. 1978 г.

младенца. «Перевод точный я не знаю, но так перевели, что это айги луйс – садовый свет. Мой Агулис – мой рай. Если б там можно было жить, я бы завтра же уехала. Отношение к Агулису – божественное. Страна Икария... Детство мое – и рассказы мамы, и соединение Тбилиси и Агулиса. Я хочу останки мои в Агулисе рассеять, не уходить в землю. Но без Земли не могу до Неба дотянуться. А детство для меня не кончалось никогда. Все образы во мне живут. Они более живы,

чем сегодняшние люди. Даже мимолетно увиденный тогда человек - навсегда. Нет да нет, он рождается на холсте. Мне больно, если, например, в старце видят просто старца, а я вижу в нем несколько лиц: детство, юность, молодость, и у меня начинается художественный контакт. Ребенка, наоборот, переношу в старость, как бы проживаю его жизнь с ним». Посещение дома Гаянэ всегда связано с обычным – для такого случая – чувством приобщения к празднику с несвойственной ему цветной тишиной иного существования. Тишина, исходящая и сходящая с картин, сходна с мифологической первозданностью. Мазок кисти поперек говорит «нет» реальности мира. Мазок вдоль принимает цвет и звук пространства. Слово «Еще не речь, уже не голос» (С.Гандлевский). «Тишина - это пустота. А я люблю наполненную пустоту. Я думаю, у каждого человека свой ящик пустоты. Он его специально заполняет, чтобы легче было жить. Пустое пространство насыщено цветом и звуками. Меня всегда очень волнует то пустое пространство, в которое вхожу, и там происходит действие. Это - холст! Холст имеет конкретный размер, и формат действует на сознание, диктует рождение картины. Люблю удлиненные холсты, горизонталь. Мало кому доступен такой формат, единственный, кто смог – Паоло Веронезе». С великими у нее свои отношения. «Меня останавливает в творениях великих мастеров, как они писали ню. Они чисто зрительно нам открывали красоту тела, а меня это не устраивает. Мне хочется, чтобы этот образ не только был преподносим своим телом, а еще внутреннюю значимость показывал. Этого не было ни у Тициана, ни у Рубенса, ни у Боттичелли. Может быть, у Рембрандта. В XX веке – только Шагал, он дух передавал. Летящая в выси или лежащая душа».

В квартире Гаянэ ничто не напоминает о быте: о комфорте, обустроенности, заслоняющей зачастую подлинное и простодушное восприятие мира и Создателя. Книжные полки, тахта с телефоном, над которой возвышается потрясающая картина «Лавка шуток», сводящая на нет любое проявление окружающей среды, двери с окрашенными стеклами (попадаешь из города, из-за кулис – в Агулис), комната с картинами, большинство из которых повернуто к стене, дабы не мешать художнице работать, посередине - мольберт, похожий на крест, ее гильотина (как говорит Гаянэ), на мольберте - картина, и цвета с нее незаметно сползают на пол, где лежит старый, слегка выцветший розово-красный ковер Сергея Параджанова, его подарок художнице. Она стоит на этом ковре и пишет свои картины.

«Техника в последнее время не существует для меня. Сейчас важны познания глубинного, верти-

С Сергеем Параджановым

Натторморг. 1970 г.

кального и обратного Пространства. Я совершенно свободна. Только с Богом связана. Перед моими родителями просто на колени становлюсь - они мне подарили свободу. Чувство независимости меня связывает с детством. Каждый мазок мой посвящен отцу и матери. Бабушке, прабабушке. И вот сейчас, как увидела портрет дедушки, и ему. У меня до 12 лет была совершенно другая жизнь, и когда мне неудачно сделали операцию аппендицита, я стала больным ребенком и уже не выбегала в дождь, как раньше, больше сидела в углу, думала о жизни, о себе. Тот ребенок, который минуту не мог усидеть дома, умер во мне, и я стала рисовать. А еще в 12 лет на день рождения семь подруг мне подарили по одной и той же книге: «Русские сказки». Шесть раз дарила, а седьмую в портфеле носила, иллюстрации произвели очень сильное впечатление. Я стала их перерисовывать. Я думала рисовать – это надо перерисовывать. Я понятия не имела о всяких канонах. Первый толчок – русские сказки. Потом мама привела меня в Художественную школу. Гугули Курдиани, мой педагог, только приехавшая из Москвы, преподнесла мне без всяких «измов» реальное видение предмета, человека, и открыла московскую школу рисунка».

Автору статьи посчастливилось видеть, как она пишет картину. О, это была не Гаянэ, точнее, это была настоящая Гаянэ: взгляд, только что рассеянно, почти по-детски блуждающий по собеседнику, вдруг стал абсолютно иным, сильным, сосредоточенным, и – лицо, совершенно не участвующее в окружающем. Какая-то древняя богиня. Движения, дотоле не совсем определенные, чуть скованные, приобрели четкость. Мاستихины выглядели стрелами. И на холсте все дальше и дальше возвышались новые краски. На холсте – как на холме. «Стоя на высоком холме...»

«Когда ухожу в работу, я ничего не слышу и не вижу. И присутствует мой образ при этом или нет, не знаю. Это высшее состояние. Я хотела стать скульптором. Но здоровье не позволило, и сейчас я заметила, что подхожу к холсту как к лепке. Я стала лепить с помощью мастихина на холсте. И - только маслом. Потому что это единственный материал, который может передать состояние, мировоззрение. Карандаш

скован, акварель и гуашь больше - вода. Масло совершенно свободно и многослойно». Конечно, это состояние души. Масло – слой за слоем, свежий на высохший, придает, как и душе, картине выпуклость и объемность.

Из всех стихий она предпочитает огонь. «Когда смотрю на любое пламя – даже свечи, даже на лампочку электрическую, все переношу на вулкан. Пламя многоцветное. И

Небо - пурпурный слон. 1975-77гг.

- как палитра извергается. Вода - это плывущая земля, земля – отражение неба».

Названия ее картин всегда необычны. В них встречаются звери, танцовщицы, фокусники, ангелы – но не такие, к каким мы привыкли: «Синее озеро в тени черного барса», «Мост слепого ангела», «Посещение ангелом красного балкона» и т.д. «Ангелы слепы и глухи», - написала молодая Марина Цветаева. Гаянэ была потрясена совпадением ощущений. И в ее картинах ангелы смотрят мимо: «Все ангелы не с нами. Они в нашей действительности слепы. И не участвуют в нашей жизни. Там другое действие. А через животных передаю связь человека с другим миром. Я слона, скажем, раскрашиваю в красный и человека рядом с ним уволю в детство. Птицы, слоны, барсы, львы – любимые образы, каждое животное упоминает о присутствии другого мира.

Я, в основном, пишу карнавал. Карнавал жизни. Карнавал в обыденном состоянии человека. Это основа основ в моем восприятии мира. Не хочу говорить слово «игра». Ведь каждый человек наряжается с самого утра и идет на представление... Как открытая шахматная доска, у каждого разная. Без шахматной доски никто не выходит в пространство. Всем кажется, что человек всегда с часами. А он - с шахматной доской. Туда и часики входят. Без карнавала человек не может существовать, странствовать. О цвете я здесь не думаю. Есть в природе вещи, не имеющие цвета, сам человек придумывает: Часы, Время. Во всем, что подавляет наше сознание, исчезает цвет».

У С.Параджанова была серия собственных «Джоконд», и один из этих коллажей, плачущую Джоконду, он посвятил Гаянэ. Его предсмертным желанием было – подарить ей свою работу. Он дважды дарил, Гаянэ отказалась (сегодня его шедевр находится в Калифорнии): «Я не выдерживаю никаких других работ у себя. Его подарок вызвал бы беспокойство. Я бы свободно себя не чувствовала. Мне дороже моя внутренняя свобода».

Ей не нужно ничего, кроме реальности своих картин. «Я отделилась от мира, не контактирую явно ни с чем. Мне спокойно. И даже интересны новшества науки, я приветствую их с юности. Самое высшее проявление в природе человека – новаторство».

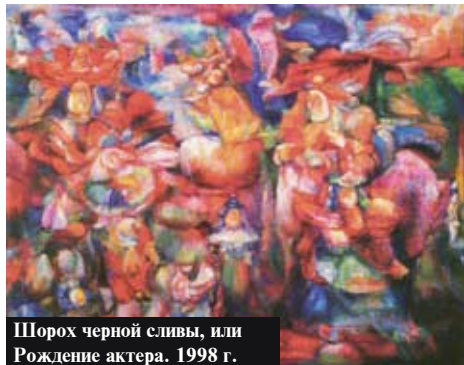
О внешнем мире, его подробностях и «существоваемости» Гаянэ узнает от других людей, по радио. Телевизора у нее нет. И каждый человек в ее рассказах похож на волшебника. Галерея образов

Гаянэ в жизни необычна и огромна – всех не перечислишь. «Мне Бог посылал людей, начиная с юности – что-то невероятное. На всю жизнь». Ерванд Кочар, Мартирос Сарьян, Елена Ахвледзиани, Сергей Параджанов, Андрей Тарковский, Ирина Уварова и Юлий Даниэль, который свой день рождения хотел провести именно у Гаянэ – это был его последний приезд в Тбилиси, Инна Генс и Василий Катанян, Белла Ахмадулина и Борис Мессерер, Тонино Гуэрра, Людмила Улицкая, Алла Демидова, Владимир Спиваков, Гия Канчели, Виталий Пацюков (один из лучших в России искусствоведов), Наталья Рюрикова (директор галереи «Дом Нащокина», где не раз проходили выставки работ Гаянэ) и другие. Гаянэ говорит так: «Параджанов преподнес людям меня, а Наталья Рюрикова - картины мои».

Гаянэ допускает к себе далеко не каждого человека. Но, как она говорит, без людского фона ничего не может произойти. «Они направляют, вызывают стрессы, обнажают какие-то стороны. Даже разрушительная бывает сила людская. Но помогает художнику углубиться. Анонимный средневековый армянский поэт оставил после себя только одну строчку: «Кидайте яблоки в меня». Он как бы обращается к людскому фону и просит: кидайте яблоки, без этого ничего не происходит. Люди должны кидать яблоки в творца. От них и больно, и радостно, от них и гибель, и рождение».

И слова подбираются к Гаянэ особые, словно из древних мифологий, с того времени, «когда дерево было богом» (А.Генис). Голос Гаянэ медленный, особому певучий, насыщенный густыми цветами и переливами, какая-то смесь Гильгамеша с язычеством и христианством. Первобытность и первозданность выплескиваются даже в ее интонации. Метафорические обороты в речи для нее реальны совершенно.

«Когда в юности я шла по городу, то не зарисовывала улицы, как делали художники, а словесно запи-

Шорох черной сливы, или Рождение актера. 1998 г.

Карусельный спуск в ночи. Летящее утро. 1989 г.

сывала. Изгибы балконов, перил, как сидят люди на балконах. Раньше любили разжигать костры. Я видела в дыму образ. Так родились из дыма танцовщица, барс. Кошка – обыкновенная, черная, превращалась в красного коня. Потому что черный цвет во тьме красный. Я впервые это увидела на закате. И постепенно мои хождения по городу давали материал для особых сцен. Потом очень на меня действовали старцы около синагоги с огромными белыми бородами, я шла из армянской кафедральной церкви Сурб Геворг, где пела четыре года, и они меня уносили в другой мир. Все это преломилось в «Городскую прялку». Там сочетание Тбилиси и Агулиса. Сегодня я смотрю на Тбилиси сверху, как бы поднимаясь на самую высокую точку города. Раньше любовалась каждой деталью, а сейчас это прошло. Я зритель и не участвую ни в чем. И весь город восходит ко мне ввысь. Кура поднимается из недр. Мне посчастливилось видеть реку, когда она еще не была в капкане. [В конце 50-х годов Куру оградили набережными – И.К.]. Она невероятно нервная река. И как ее заключили в колодку, такой трагизм я почувствовала. Или, может, повзрослела тогда. В детстве я ее очень боялась, а в капкане она как кастрированная. В Муштаиде [рядом с парком прошли детство и юность Гаянэ, и много ее картин написано на эту тему – И.К.] не было ограды, и когда Кура нервничала, она занимала полсада и глотала очень много мальчиков. Каждую неделю кто-то тонул. Потому ее и посадили в капкан. И еще как появилась детская железная дорога, механика проглотила весь парк. Дети только катались на поезде, и перестали контактировать с плачущими-смеющимися зеркалами, с каруселями. Очень страшно мне было заходить туда. Какое-то естество ушло из города. И еще я очень переживала, когда стали преобразовывать мосты. Помню, как маленький Ишачий мост исчез. Он соединял две стороны реки, и только один человек или ослик могли пройти по нему. А внизу был ремесленный ряд – невероятная красота. Он объединял людей всех наций: армяне, евреи, турки, грузины, русские, греки... В конце 60-х все разрушили. Помню, как рыдала Елена Ахвледзиани, что ни мостика нет, ни этого ряда.

Вообще как я перешла в 87 году на новую квартиру с того места, где жила в детстве, я умерла. Я даже не помню переход. Сидела во дворе, не могла зайти. И вот потом началось. Землетрясения в Армении, здесь какие-то кошмары, и эта адова жизнь до сегодняшнего дня преследует. Но сам город очень сильный. При всех этих страшных катаклизмах он выживет. Он тем сильный, что Божественный. Много следов от святых. Город невероятной красоты был. И когда приходится сравнивать – неопределимую боль вызывает вид этих пустот. Возвратить нельзя. Они преломились во мне и по-другому рождаются. И балконы, и образы. Раньше просто были одноэтажные балконы, прикрепленные к земле. А сейчас я их срываю, и они летят в небеса. Летящие многоярусные тбилисские балконы».

Как-то Гаянэ написала: «Тбилиси – город поющего ветра». Ветер, ураган для нее – «самое правильное движение в природе. Он как бы повествует о правильном движении воздуха, света...» С ураганом у Гаянэ созвуч-

ны имена библейских Моисея и Эсфири. Очень почитает Деву Марию и Марию Магдалину, которая для нее символ творчества. Ей чувствуется, что в Тбилиси и Грузии Дева Мария все-таки была (по преданию Грузия, земля Иберийская, была завещана Богородице, но Мария не успела побывать здесь).

На мир она смотрит через два окна. «Дневное окно маленькое, ночное – большое. Там ночное небо, звезды, дома в пространстве. Оба окна люблю: и день, и ночь наравне, просто по-разному. Но ближе – раннее утро, когда стыковка у них происходит. Ночь приглашает утро на представление. Этот момент самый любимый в жизни. И ночь все время присутствует фоном дневному спектаклю, без ночи ничего нет и в состоянии человека. Ночью день исчезает, а днем ночь все время присутствует».

Когда Наталья Рюрикова попросила художницу написать автобиографию к каталогу ее картин, изданному в 2001 году в Москве, Гаянэ решила начать так: «Впервые уснула в 1942 году, 8-9 мая в 12 ч. ночи, в круглой комнате, с луной в руках. В окне плавало красное солнце». Не родилась, а заснула. И, по ее словам, в спячке пребывает все время. «Вот людской фон меня будит. Иногда мне от этого хорошо, иногда плохо, но без него невозможно. Я очень люблю людей». А люди часто живут наспех... В картинах Гаянэ нет спешки. «В уединении людской фон присутствует. В одиночестве я больше с природой. Одиночество в работе – кульминационный момент».

Монахов, годами не выходящих из своих келий, называли странниками. Гаянэ это очень понятно. Даже ее имя свидетельствует о ней: по одной из версий первыми в Армению принесли христианство две римские монахини: Гаянэ и Рипсимэ.

«Келья – место, где происходит рождение карнавала. И еще чего-то другого. Все великие творения создавались не то что в монастырях, просто образ монастыря был перенесен в обычную жизнь, и те художники, которые вели этот образ жизни, достигли высот. Природа сама диктует им затворничество».

Не переезжает она в том числе и из-за необходимости собственной кельи. «Первая причина – климат. По здоровью. Я привыкла к низовью – Агулис тоже в котловине, как Тбилиси. Мои предки жили в таком климате и мне передали. Еще из-за творчества. Когда маленькое дерево пересаживают – да, но потом его не трогают. Для меня человек ассоциируется с деревом. Если на другую землю пересадить, даст ли плоды? Для меня, например, ближе у Шагала все раннее, созданное в Витебске, не в Париже. И у Сарьяна – то, что делал в России, до переезда в Армению. Рецептов нет. Я за оседлый образ жизни в творчестве. Нужно внутренне двигаться. Монашество для меня высший образ. У них внутреннее движение, которое в обыденной жизни человек теряет. И ему трудно живется. Только внешние контакты, а внутреннее мертвеет, костенеет, плохо в жизни. Все мои творения созданы в состоянии кельи».

Ее мир – оторванный, а точнее отозванный от Земли, с иным притяжением. В ее картинах слышатся и видятся застывшие шорох Куры и ветер, животные с человеческими лицами и люди из иного бытия, слившиеся с фоном, но главное – это цвета, краски мира, застывшего в полете.

Просто потому, чтобы полет не прервался.

ИННА КУЛИШОВА

Виктория Чаплинская, Ирина Ратиани

СОЛНЕЧНЫЙ ДАР БОГОВ

Так древние греки называли музыку. Летним вечером, когда заходящее солнце пробивалось сквозь витражные окна Красного зала тбилисской оперы, слушатели еще раз убедились в справедливости высказывания эллинов. Перед зрителями выступили сопрано Ирина Ратиани, единственная в XX веке, исполнившая партию Отелло в одноименной опере Дж.Россини и известный концертмейстер Виктория Чаплинская.

Организаторы поделили концерт на две самостоятельные части. В первом отделении прозвучали романсы С.Рахманинова и вокальный цикл «Гадкий утенок» С.Прокофьева по мотивам сказки Ханса Кристиана Андерсена.

Еще до начала концерта зрители многозначительно переговаривались: какие сложные произведения, как они прозвучат? Однако после первого же романса все поняли – выступают знатоки своего дела. Стихи А.Блока, И.Северянина, В.Брюсова и К.Бальмонта, положенные на музыку одного из самых значимых композиторов начала прошлого века, никого не оставили равнодушными.

Знатоки утверждают, что когда звучит музыка Рахманинова, кажется, будто слышишь страстную, образную, убеждающую речь. Неслучайно Чайковский поставил ему пятерку с тремя плюсами на экзамене в консерватории.

Своеобразный экзамен сдавала и Ирина Ратиани, блестяще исполнив вокальный цикл Прокофьева, в котором талант великого сказочника удивительно переплелся с талантом великого композитора. «Последний утенок был очень некрасив» – с этой фразой глаза исполнительницы излучают жалость и сострадание. Несколько минут спустя она уже рассказывает слушателям о волшебной перемене, случившейся с гадким утенком. И рассказ этот убедителен, благодаря замечательному голосу и технике певицы. Живописность и поэтичность сказки усиливаются благодаря виртуозному дуэту Виктории Чаплинской и Ирины Ратиани. И кажется, нет уже оперных стен, а есть заботливая мать, рассказывающая красивую сказку перед сном своему маленькому ребенку. Действенность, активность и вдохновенная, кристально чистая лиричность произведения погружает в мир, где царят добро и теплота. В этом – весь Прокофьев. Сочинив пяти с половиной лет свою первую пьеску, он уже не расставался с музыкой. «Это мне нравится! – воскликнул Н.А.Римский-Корсаков на приемном экзамене в консерваторию, увидев тринадцатилетнего Прокофьева, буквально сгибавшегося под тяжестью двух папок с его произведениями. «Прокофьев пришел в искусство с новыми идеями, со своим пониманием того, как сочинять музыку. Все, что он писал, было новым по манере и по содержанию, молодым, здоровым, смелым», - писали впоследствии о нем критики.

На концерте присутствовали всеми любимые ком-

позиторы Мери Давиташвили, Бидзина Квернадзе, Важа Азарашвили и Каха Цабадзе, чьи сочинения прозвучали во втором отделении концерта.

Концерт получился примечательным еще и потому, что он был задуман как своеобразная презентация, а точнее сопрезентация русской и грузинской классической камерной музыки. Молитва Шушаники из оперы «И было в восьмой год» Б.Квернадзе, вокальный цикл «Лирические миниатюры» М.Давиташвили на стихи А.Каландадзе, романсы В.Азарашвили и К.Цабадзе представляют собой кладезь отечественной музыки. Слушатели насладились трогательностью певицы, которая «поет по-грузински с итальянским акцентом» и проникновенностью исполнения концертмейстера. Камерные произведения требуют от исполнителей особенно тщательной отделки. Здесь важны полнота и красочность звучания певца, а также точность и вдохновенность концертмейстера. С этой точки зрения концерт - гармоничный дуэт двух профессионалов.

Виктория Чаплинская профессионально выступает уже много лет. В 1983 году ее пригласили работать концертмейстером в Тбилисской театр оперы и балета. Здесь она сотрудничала с выдающимися деятелями искусства. По ее инициативе в разное время осуществились вечера памяти Т.Дуденко, Э.Исакадзе, С.Инашвили, З.Анджапаридзе, концерт, посвященный 250-летию Моцарта, проект «Перпетуум мобиле – смена поколений». О ней говорят, что Вик-

нова-пианиста отразились в творчестве Рахманинова-композитора. Лучшие произведения он написал для своего любимого инструмента – фортепиано. По своей красочной и эмоциональной выразительности фортепианная партия романсов Рахманинова приравнена к его фортепианным опусам. Вся русская музыка гениальна. Кроме того, мы решили исполнить прекрасные грузинские произведения. Я думаю, что концерт удался».

Того же мнения и Важа Азарашвили: «Ирина Ратиани - замечательная певица. Мы знаем ее как оперную диву, но сегодня в камерном жанре она показала себя безукоризненно. Ирина – тончайший музыкант. «Гадкий утенок» Прокофьева – сложнейшее сочинение, и чтобы исполнить его, надо быть мастером. У Ратиани это получилось. Хочу особо отметить большое мастерство и талант Виктории Чаплинской. Меня порадовало, что в этом концерте исполнялись и мои произведения. Должен сказать, что эти романсы старые, а последний – «Как я тебя люблю» – написан мной еще в училище на стихотворение Шандора Петефи в переводе Григола Абашидзе. Время прошло, а эти романсы приобрели новое звучание. Запомнилось первое отделение, ведь русская классика вечна. Мы выросли на этих великих произведениях. Взять хотя бы моего любимого Сергея Прокофьева. Я с большой любовью отношусь к русской музыке. Мы, коллеги, грузинские и российские композиторы должны быть вместе. Культура есть культура».

Ирина Ратиани говорит, что русская музыка – одна из составных частей мирового музыкального наследия. «Поэтому я просто не могла не коснуться ее в своем творчестве. А исполненные произведения грузинских композиторов – это жемчужины отечественной музыки, наше национальное сокровище. Что касается выбранных романсов Рахманинова, то они прелестны. Я очень люблю русскую поэзию, особенно поэтов Серебряного века. Этим и обусловлен наш выбор. Не могу не отметить, что камерный жанр для оперных певцов очень трудный. Конечно, петь всегда непросто, но в данном случае особенно. Это мой первый камерный концерт в Грузии, поэтому я очень волновалась. Я давно пробую себя в камерной музыке. В Тбилисском оперном театре выступаю уже два года. Осенью намечается постановка

«Дон Жуана» Моцарта, в котором я буду принимать участие. Надеюсь, это идея осуществится».

Музыка – непосредственный язык души. И каждое подобное исполнение, где проникновенное лирическое сопрано ведет неторопливую беседу с фортепианными трелями на тысячу ладов, убеждает в этом.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

М.Давиташвили, К.Цабадзе, И.Ратиани, Б.Квернадзе, В.Чаплинская, В.Азарашвили. После концерта

тория Чаплинская ведет активную пропаганду грузинской классической музыки. Сама же она считает: «В грузинской музыке, не говоря уже о русской, масса шедевров. Для концерта мы выбирали качественнейшие произведения Прокофьева, Рахманинова. Когда Рахманинов аккомпанировал Шаляпину, то казалось, вместе с певцом пел и рояль. Особенности Рахмани-

Дом-музей Марджанишвили в Кварели

ПРИТЯЖЕНИЕ ПОЛЯ ТВОРЧЕСТВА

Такого столпотворения, как 7 июня, Кварели давно не помнит. В старинной усадьбе, еще недавно переживавшей тяжелые времена, проходило открытие восстановленного и отреставрированного дома-музея Котэ Марджанишвили, режиссера-новатора, реформатора театра, неумного человека, желавшего в творчестве объять необъятное. Самое удивительное, что ему это удавалось. Необъятной была и география его постановок, он исколесил Россию и Украину, но там его знали как Константина Марджанова. В день открытия дома-музея сюда съехалось много гостей, среди них и Нино Бурджанадзе с младшим сыном, здесь можно было увидеть всю труппу Марджановского театра, знаменитых грузинских артистов и режиссеров, включая недавнего худрука этого театра Темура Чхеидзе, возглавляющего сейчас петербургский БДТ. И еще было много служителей церкви не только грузинских, но и прибывших из Москвы. Поначалу это даже удивляло – театр и церковь, что общего? Но позже, когда люди в рясах озвучили то, чего никто не мог знать в советское время, все стало до боли понятным. Их

присутствие придало особый смысл происходящему, дало понимание идеи служения человека в этой жизни, вне зависимости от сферы его деятельности.

Во дворе с неохватными вековыми деревьями возведена открытая сцена, которая поначалу была главным действующим лицом. На нее поочередно поднимались люди, говорили о театральной жизни и человеческой судьбе Котэ Марджанишвили и обитателей этого дома, о его прошлом и будущем. Но ведущей темой оставалось творчество, и торжественная часть завершилась театральным действием. Артисты Марджановского в замечательных костюмах сыграли массовые сцены из легендарного спектакля «Уриэль Акоста», который в восстановленном варианте и теперь, спустя почти 80 лет, не сходит с марджановской сцены. Зажженные факелы в финале – как дань памяти гениальному режиссеру, а языки пламени – это символ его искрящегося искусства. Недаром Мастер говорил: «Цель искусства проста: дать людям радость и ощущение бодрости».

А дальше – ленточка перед входом в дом-музей, которую разрезает виновник новой жизни восстановленного дома, учредитель благотворительного фонда «Дискари» Лаша Папашвили. Этот фонд и «Банк Республика – группа Сосизте женераль» провели реставрацию и реабилитацию дома-музея, а компания «Редикс» помогла своими профессиональными строительными-архитектурными советами. Сейчас и дому и двору возвращен первоначальный вид (архитектор Г.Сосанидзе), а экспозиция музея полностью обнов-

лена и расширена. Так понемногу восстанавливается историческая память.

Этот дом с колоннами из красного кирпича и резным балконом знали в начале XIX века как имение Чавчавадзе. А домом-музеем Котэ Марджанишвили он стал потому, что его мать Елисабед Чавчавадзе вышла замуж за приехавшего из Кутаиси офицера, инженера-строителя Александра Марджанишвили, и в этом доме родились их дети Тамар и Котэ. Потом семья жила в Тифлисе, родители были образованными людьми, атмосфера искусства была для них неотъемлемой. В их доме часто бывали видные грузинские писатели и артисты, иногда здесь проводились репетиции спектаклей, и Котэ еще ребенком познакомился со многими выдающимися актерами. Он увлекся театром, и в 12 лет впервые вышел на любительскую сцену.

После смерти матери в 1890 году, не окончив гимназию, он вернулся в Кварели. Здесь 18-летний Марджанишвили организовал любительский театр, в котором был и режиссером, и актером. Репетировали и играли спектакли в его доме, вернее, в просторном марани из красного кирпича, который сейчас полностью восстановлен – кирпичная кладка на стенах и на полу, под ногами круглые крышки квевери, и среди традиционного марани в глубине – сцена! Это впечатляет и сейчас, а тогда, наверное, тем более.

Здесь начался «актерский» период его жизни. Он участвовал в профессиональных спектаклях в Телави, потом вместе с Котэ Месхи поступает в труппу Кутаисского театра. В 1897 году он уезжает в Россию, считая ее центром новаторских идей в развитии театра. Тогда и появляется русифицированный вариант его имени – Константин Марджанов.

В течение тринадцати лет он работал во многих театрах Российской империи – от Тулы и Иркутска до Ташкента и Баку. Сначала как артист, а в 1901, в Вятке состоялся его режиссерский дебют. Он начал с высокой драматургии – с чеховского «Дяди Вани». Позже он поставил почти все пьесы Чехова и даже возвращался к постановкам по несколько раз. Именно ранние постановки сделали имя Марджанова известным в театральных кругах. И где бы он ни ставил – в России, Украине, Грузии, всех поражала широта его жанровых и постановочных экспериментов, неумное желание добиться в искусстве синтеза несоединимого.

Этот отрезок его жизни наглядно отражен в одном из залов музейной экспозиции, посвященной его многолетним актерским и режиссерским метаниям в Грузии, России, Украине.

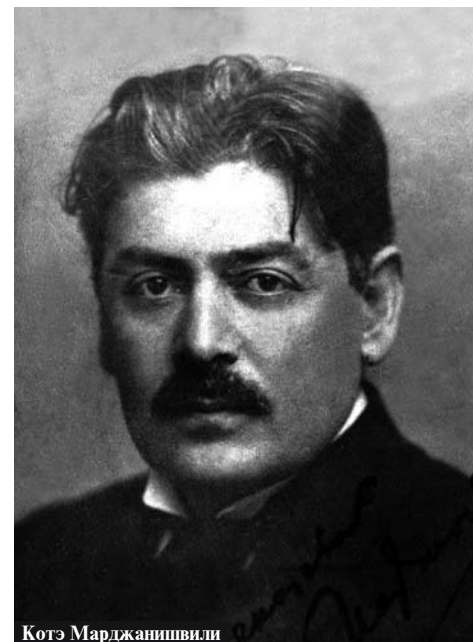
В 1909 начался московский период Марджанова. Сначала это была работа в театре Незлобина, потом создание грузинской драматической студии, а в 1910 году он получил приглашение работать в Московском Художественном театре. Там полностью сформировалось его режиссерское искусство и глубокое понимание сущности актерского творчества. Школа МХТ ему очень много дала. Но через три года он покинул МХТ и организовал в Москве «Свободный театр», в котором стремился осуществить идею синтетического театра, воспитать разносторонних актеров, выступающих в опере, оперетте, драме, пантомиме. Еще

одно удивительное свойство этого режиссера – даже в самых условных, гиперболически преувеличенных ситуациях актеры его школы передавали глубину психологических переживаний героев – сказывался след, оставленный МХТ.

Насыщенность творческой жизни Марджанишвили поразительна. После Москвы он руководил театром в Ростове-на-Дону (1914–1915), театром «Буфф» в Петрограде (1916–1917). Восторженно принял Октябрьскую революцию, увидев в ней новый импульс для творческих экспериментов. В 1919 году в Киеве был назначен на пост комиссара всех киевских театров. Там он поставил один из своих легендарных спектаклей – «Фуэнте Овехуна» Лопе де Вега, который стал для зрителей эмоциональным потрясением, отразившим пафос революционной эпохи. В 1920 году в Петрограде Марджанов был постановщиком массовых театрализованных зрелищ, прославлявших революцию, руководил театрами «Вольной комедии», «Комической оперы», самодеятельным рабочим театром, призывая к созданию театра, выражающего «темп современной жизни».

Создатель острой и смелой театральной выразительности, противник серого будничного искусства, он стал по сути основоположником обновленного грузинского театра, когда в 1922-ом вернулся на родину. Его творчество – это пример взаимовлияния русской и грузинской театральных культур. Первой его постановкой в театре им. Ш.Руставели был спектакль «Фуэнте Овехуна» – творчески переосмысленная версия киевского спектакля. Как и в московском «Свободном театре», он хочет создать в театре Руставели коллектив единомышленников, вводит практические и теоретические занятия для актеров. Но возникает конфликт с корпорацией театральной молодежи «Дуруджи», и в 1926 году он уходит из театра. Два года жил вне театра, обратился к кинематографу, где опять был занят поисками новых средств выразительности. Например, монтаж он называл «истинным режиссерским полем творчества». Его кинооткрытия и сегодня поражают, он предвосхищал то, что было достигнуто мастерами кино много позже.

В 1928-ом он организует Второй Государственный театр Грузии, которому после смерти Марджанишвили было присвоено его имя. В сентябре 2008 года театр будет широко праздновать свое 80-летие. Сначала театр находился в Кутаиси, а в 1930 его перевели в Тбилиси. Тогда многие из «дуруджистов» вернулись к нему, оставив театр Руставели. И опять, уже в который раз, Марджанишвили работает над созданием единого творческого коллектива. В новом театре режиссер продолжил поиски в области синтетического

Котэ Марджанишвили

театра, вершиной которого стал спектакль «Уриэль Акоста», который и теперь, спустя почти 80 лет, в восстановленном варианте не сходит с марджановской сцены.

Этому спектаклю-легенде в музее посвящена отдельная комната. В экспозиции представлена малая сцена, воссоздан макет декораций, здесь можно увидеть и уникальные костюмы Петре Оцхели.

Творческая жизнь нового детища режиссера была

Марджановы в Кварели

бурной, выпускались по 3–4 спектакля в сезон. И при этом Марджанишвили успевал выезжать на постановки в московские театры. Его последним спектаклем стал «Дон Карлос» в Малом театре. Проведя большую часть репетиций, он скоропостижно скончался незадолго до премьеры. Это произошло 17 июня 1933 года.

Сцена из спектакля «Царь Эдип». 1912 г.

Судьба великих людей притягательна своей неоднозначностью. Среди признания и внешнего благополучия всегда находится что-то скрытое от внешнего мира, бередящее душу, а иногда и разрывающее. В советское время никто не знал о

мученической судьбе его сестры Тамар. Несправедливо забытая, она теперь воскресла в памяти людей и осветила некоторые картины жизни самого Марджанишвили.

Старшая сестра Котэ с 1902 года была игуменьей монастыря Святой Нино в Бодбе, там постриглась в монахини. Она служила не только церкви, но и занималась благотворительностью, помогала школе. После революции 1905 года наступило смутное время, и матушка Тамар была вынуждена уехать из Грузии в Москву, где основала обитель. Там и сейчас есть келья Тамар, где хранится копия иконы Богородицы из Бодбийского монастыря. В 1924-ом ее обвинили якобы за участие в восстании в Грузии, а в 1931 году сослали в Сибирь. Узнав об аресте Тамар, брат обратился за помощью к Луначарскому, а тот к Орджоникидзе. В ответ он услышал: «Пусть лучше забудет, что у него есть сестра». Котэ хлопотал за сестру и в Грузии, обращался к Енукидзе, но так и не дождался освобождения сестры. Для режиссера, с юности охваченного идеями революции, искренне прославлявшего ее приход, такой поворот событий был поистине трагичным. Так что его пребыванию в Москве в последние годы, как и его скоропостижной смерти уже не стоит удивляться. Тамар вернулась из ссылки через год после смерти брата. Больная туберкулезом, она продолжала служить в скиту в Домодедово. Несмот-

ря на пережитое и на болезнь, она не оставила свое подвижническое служение. Похоронена она в Москве, но память о ней жива. О ее судьбе собравшиеся на открытие музея узнали из первых уст. О грузинском периоде рассказала матушка Теодора, игуменья женского монастыря в Бодбе, а о страшном российском поведении игуменьи Иннокентия из московского монастыря, который некогда основала Тамар.

Теперь мы знаем, что дом-музей посвящен сразу двум выдающимся личностям - Котэ и Тамар Марджанишвили - великому режиссеру и великой подвижнице в истории церкви. В этом доме-музее есть комната брата с камином, какой она была некогда, и отдельная экспозиция в комнате сестры, где молилась Тамар, здесь ее свеча, мемориальные вещи, равнодушно смотреть на которые просто невозможно.

В обновленном музее есть просторная гостиная, которая оживляет быт дворянства XIX-XX вв. и историю одной из замечательных семей этой эпохи. Предметы декоративно-прикладного искусства, бесценные рукописи, письма. Автор концепции экспозиции и куратор Давид Цхададзе. Вместе с новым электроосвещением здесь вмонтированы мониторы, где постоянно будут представлены отрывки из спектаклей и фильмов Марджанишвили Дом полон предметами, составившими жизнь людей того времени: фото, письма выдающихся деятелей кино и театра, пьесы, графические, скульптурные и живописные работы Ладо Гудиашвили, Елены Ахвледзиани, Петре Оцхели.

Кто знает, может быть, по молитве матушки Тамар и возрожден этот дом? Вот что мне рассказал в эксклюзивной беседе учредитель благотворительного фонда «Цискари» Лаша Папашвили:

«Четыре года назад я впервые узнал о сестре Котэ Марджанишвили, матушке Тамар. Можно сказать, это была моя инициатива возродить их дом-музей. Мы восстановили в деталях то, что было построено в начале XIX в. Матушка Тамар была одной из великих личностей начала XX века. Я это понял, когда прочитал изданную в Москве книгу «Детки мои родимые». В ней воспоминания духовных дочерей матушки Тамар, это очень интеллигентные москвички, одна из них скончалась совсем недавно в возрасте около 90 лет. Эта книга и дала толчок моей инициативе. Захотелось напомнить людям те времена, когда Грузия была не такая бедная и забытая всеми, когда у нас процветала культура, духовность. Мне хотелось, чтобы этот дом-музей напоминал людям их историю, ведь это величайший памятник нашей истории. У нас есть такие выдающиеся личности, о которых нельзя забывать, если мы забудем, то и мир забудет о них. Этот музей государственный, мы взяли его под управление на 50 лет. Будем его оживать. Обязательно останется сцена, на ней permanently будут проходить показы, будем приглашать деятелей искусства, принимать гостей, общаться. Первое, это восстановление традиции благословения, или посвящения молодых актеров, которое будет проходить в марани - первом театре юного Котэ Марджанишвили. Это практиковалось и раньше - Додо Алексидзе, Лия Иоселиани приводили сюда своих учеников и приобщали к Театру».

Планов и проектов много и у фонда «Цискари», и у театра Марджанишвили. Новый современный музей будет работать по принципу культурного центра, именно таким должен стать дом-музей - живым, интересным для всех поколений. Музеем планируется также вручение призов авторам лучших спектаклей года, это должно проходить в первой декаде июня, т.к. 9 июня день рождения Котэ Марджанишвили. Гостеприимная усадьба и дом Марджанишвили будут с радостью принимать всех, кому дороги имена, принадлежащие теперь истории.

Вепа ЦЕРЕТЕЛИ

ДОМ В СТАРОМ РАЙОНЕ

Рушат старый Авлабар — с ним уходит колоритная эпоха. Когда-то здесь был один из центров Тифлиса. Вокруг дворца на высоком плато жила знать — князья и купцы, а мелкий люд селился на противоположном берегу Куры. На Авлабаре сформировался многонациональный толерантный социум, исторически известная культура города, его менталитет и стиль жизни.

В реальности того Авлабара давно нет. В старых домах совсем по-другому живут другие люди. Да и жить в них после последнего землетрясения становится небезопасно. Ментальный центр города уже два десятилетия как перенесен в Ваке и на Веру. Но пока стояли на Авлабаре дома, построенные Иваном Квезерели-Копадзе, Давидом Сараджишвили, князем Цициановым и другими представителями эпохи, казалось, что тот Авлабар еще существует.

Старый дом Квезерели-Копадзе — исторический памятник. Он как остров, а с двух сторон уже зияют дыры котлованов. Разворачивается строительство нового района.

Если резиденции правительства суждено будет достроиться, вокруг нее, как это уже было однажды, начнет селиться современная знать.

Но все не так просто. Когда начинают копать котлован, то каждый новый пласт обрабатывается новыми проблемами. Молодой бизнесмен, строящий дом по соседству, самоуверенный поначалу, за две недели работ сник и постарел. Строительство в старом городе — явление для Тбилиси новое. Оно требует высокого профессионализма строителей и геологов. Но самое главное, оно требует особой деликатности.

То появятся глубокие прочные арки старинных подвалов, то все затопится водой, то раскопают неизвестно куда ведущий тоннель. А это никакой не тоннель, а добротное построенная канализационная система старого города. Тогда в конце XIX - начале XX веков Тифлисская городская управа

Витрина магазина фирмы «Конкордия»

Супруги Габашвили

тщательно следила, «чтобы каждый рукав сточной трубы из любого дома в городскую систему был из раствора одной части цемента и 5 частей песка и диаметром в 5 вершков. И работы окончить за 3 дня и по окончании таковых убрать мусор и улицу привести в первоначальный вид, замостив ее над

рукавом. Место работы огородить рогатками и фонарями». И попробовал бы кто-нибудь из застройщиков не подчиниться.

Кажется, что откопали тоннель в никуда, а это откопали другую цивилизацию.

Ковш экскаватора доламывает отданный под слом старый дом. От сотрясения рушатся соседние строения. В том числе и наш гараж, один из самых старых в городе. От него остается одна лишь стена, со встроенным камином и полками. Откуда-то сверху вместе с обрушившейся крышей падает сундучок со старинными семейными альбомами и карточками. Подхваченные ветром фотографии разлетаются по всему двору.

Братья Гвелесиани

Строго, неодобрительно смотрит с фотографии первая хозяйка дома Мариам Квезерели-Копадзе. В седых буклях, с большим желтым бриллиантом во лбу на лечаки. За спиной кувшин с увядающими белыми хризантемами. Она и сама напоминает увядающую хризантему.

А вот и сам хозяин, построивший этот дом, и еще несколько больших домов на Авлабаре – 90-летний Иван Николаевич Квезерели-Копадзе. Последняя фотография, но каков фронт – как лихо повязан галстук. Он тоже не одобряет то, что происходит.

Вся семья, с сыновьями, невестками, внуками, родственниками в этом самом дворе в 20-ом году прошлого века. А на другой фотографии все те же, как раз на том месте, где стоял гараж. Правда раньше там были конюшня и коровник. Как же такому эллангантному семейству жить на Авлабаре без коровы.

Молодые ребята-строители вместе со мной собирают фотографии и с невольным почтением рассматривают лица из прошлого.

Временное окно приоткрывается и авлабарская жизнь начала прошлого века становится почти наглядной.

Л. Бараташвили с супругой. 1871 г.

На следующей фотографии семья обедает на веранде дома. Будничный обед, в узком кругу. По воскресеньям, когда собирались все дети и внуки, за стол садились 40 человек.

Живут дружно. Много работают. Любят людей! В семье постоянно живут родственники, нуждающиеся в помощи.

Обе невестки врачи. Поэтому все педиатрическое отделение 1-й городской больницы (Арамянц) привыкло отмечать в этом доме все праздники. Вот они в саду дома. Гостеприимный хозяин с бокалом вина в руке, колоритная хозяйка в центре, а вокруг весь цвет педиатрической школы Грузии.

Был еще семейный бизнес – «Конкордия» – вина, водка, коньяки, ликеры. Вот он на фотографиях. Магазин снаружи, внутри и офис.

Множество фотографий друзей детства, родственников, детей родственников, близких семейных пар – все подписаны на добрую память. Импозантный крестный невестки Давид Агбашев. Он вырастил детей покойного друга, дал им прекрасное образование в Москве и в Петербурге, а потом выдал крестницу замуж за Левана Квезерели-Копадзе.

А вот кум – светский лев Давид Коссов.

Сверкает крестами родственник семьи – боевой офицер Георгий Иванов.

Гостят в авлабарском доме, покинув свое родовое имение, князь и княгиня Бараташвили – родная сестра и зять хозяина.

А какие супружеские пары смотрят с фотографий – Габашвили, Джумухадзе, Гаглоевы, Агбашевы, Инаевы.

Вглядитесь в эти лица. Прекрасно образованная авлабарская знать. Грузины, армяне, евреи, русские – все олицетворенное достоинство. Глубокое взаимное уважение связывало эти семьи. Люди одаривали друг друга своей национальной культурой. Таков Старый Авлабар – исчезнувшая цивилизация.

Я собрала фотографии все до одной, стряхнула с них пыль и сложила в сундучок.

Прожив в этой семье и этом доме около тридцати лет, я всегда чувствовала поддержку всех поколений. В этом и заключена прекрасная таинственная мистика дома в старом районе.

Они и сейчас незримо стоят у нового котлована. Молодой бизнесмен просто этого пока не знает.

Ирина МАСТИЦКАЯ

«Я РОДИЛСЯ В ТЕАТРЕ»

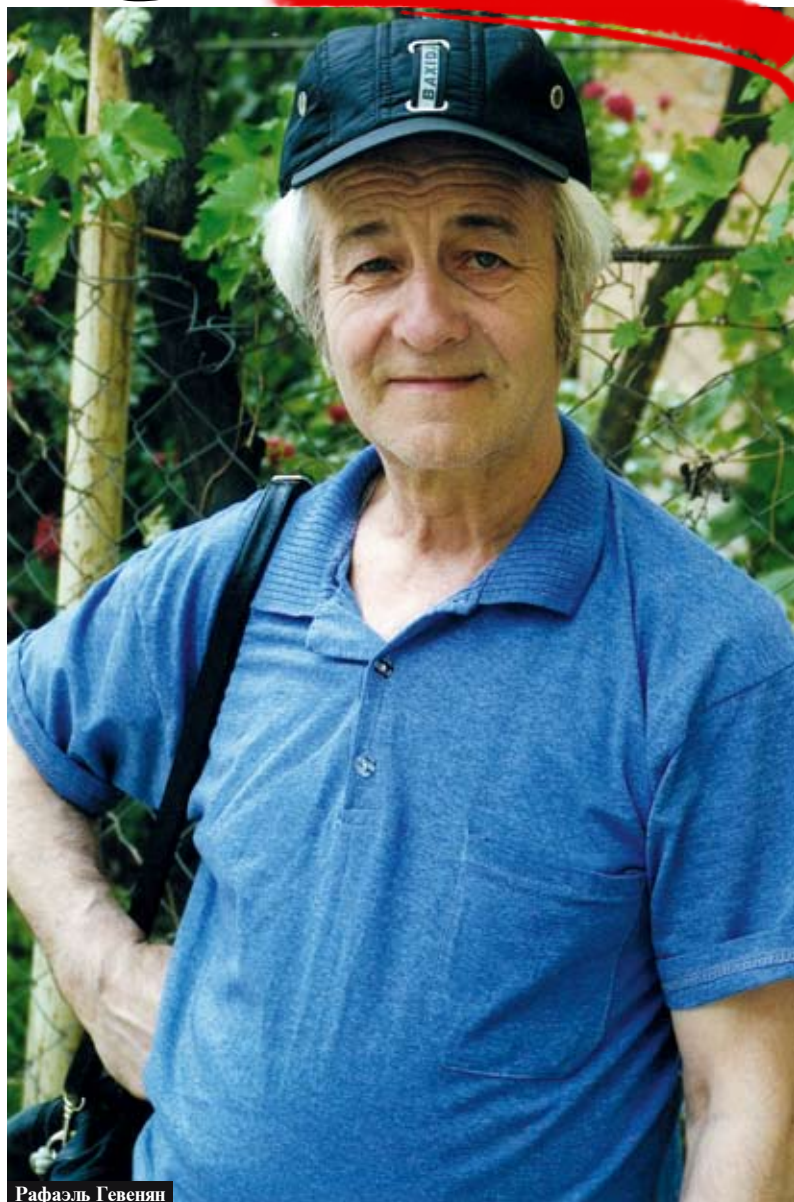
«Я родился в театре», - говорит звукорежиссер Тбилисского государственного драматического академического театра им. А.С.Грибоедова Рафаэль Гайкович Гевенян. Как это иногда бывает, звукорежиссура стала делом всей жизни по чистой случайности. Но теперь, когда родному театру отдано 47 лет, в течение которых было озвучено 103 спектакля, он ни секунды не жалеет о своем выборе. В ноябре Рафаэль Гайкович собирается отмечать 75-летие. Он делится с читателями рассказом о своей профессии.

-Когда вы начали работать в театре Грибоедова?

-В 1961 году. Театр уезжал на гастроли в Днепропетровск, когда ушел звукооператор. Представьте, нужно спасать целых 14 спектаклей. Начали срочно искать замену. И предложили эту работу мне, поскольку я был увлеченным радиолюбителем, и к тому же работал на телецентре на верхнем плато фуникулера. Я согласился, потому что работа со звуком меня очень увлекала, и как видите, до сих пор здесь работаю. Пока мы ехали до Днепропетровска, я уже собирал реплики. Надо сказать, артисты мне тогда очень помогли.

-Как отнесся к такому выбору ваш отец?

-Мой отец, Гайк Сергеевич Гевенян, был заместителем директора Грибоедовского театра 49 лет, с 1932 до 1981 годы. Поэтому я и утверждаю, что родился и вырос в театре. Когда я приехал в Днепропетровск, отец очень удивился. Мы с главным режиссером театра Абрамом Иосифовичем Рубиным договорились сделать ему сюрприз. Когда меня после гастролей попросили остаться в театре, отец возражал, но со временем уступил. Каждый родитель, знаете ли, хочет для своего ребенка самого лучшего. Но театр – сложный организм. Работа здесь затягивает. Так получилось и со мной. Я учился в ТБИИЖ-Те по специальности гражданские и промышленные сооружения, но любовь к театру пересилила. Ему я

Рафаэль Гевенян

обязан знакомством и дружбой с прекрасными людьми, приносящими свой талант и силы на алтарь искусства. Многие годы связывают меня с Николаем Николаевичем Свентицким, который помогал в работе - решать, казалось бы, неразрешимые вопросы. Так, в дни празднования 160-летия Грибоедовского театра он пригласил из Москвы на юбилейные торжества моего сына Юрия, который в свое время был занят в пьесе по роману Нодара Думбадзе «Закон вечности», играя Бачану-младшего. Таким образом, помог нам встретиться всей семьей.

-Кроме отца, кто-нибудь из вашей семьи работал в театре?

-Да, моя супруга, Нелли Севастьянова-Гевенян 20 лет работала в звукорежиссерском цехе, была мне верной помощницей. Наши сыновья пошли по другой стезе. Старший стал программистом, а младший – бардом. Его песни исполняют звезды российской эстрады Алиса Мон, Нуца Шаншиашвили. У нас две очаровательные внучки Маша и Ксюша. Все они жи-

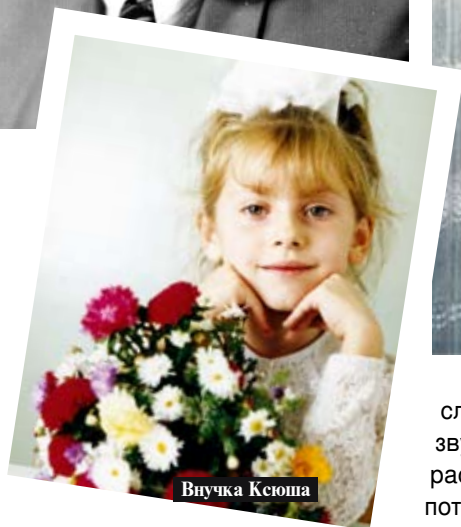
вут в Москве, а мы с супругой – в Тбилиси.

-Что вы считаете главным в своей работе?

- Думаю, главное в любой работе – то, что ее надо любить. Звукорежиссер – техническая профессия, связанная с обработкой звука. Но она подразумевает и творческое начало. В любом случае звукорежиссер должен разбираться в музыкальной грамоте. В некотором смысле, он «дирижер» спектакля. В его обязанности входит разработка режиссерского сценария, пробные записи звука, наблюдение за синхронной звукозаписью. В результате получается озвучивание, за которым стоит кропотливый труд. Я считаю, что бывают спектакли легкие и сложные. Это зависит не от

продолжительности, а скорее от их характера. К примеру, очень сложным получился «Мастер и Маргарита». Спектакль большой, масштабный, в нем много действия, частая смена ритма. А в театре им.Ш.Руставели работать было и вовсе

Гайк Гевеян

Внучка Ксюша

чилась студийная

так как все записывается через трансляционный динамик. В последнее время моя работа стала больше технической, чем творческой.

-Что изменилось в вашей профессии за последние годы?

-Театр очень изменился. Что касается звукорежиссуры, то раньше у нас были большие проблемы с аппаратурой. Сейчас у нас замечательная звукозаписывающая студия. Работая над будущим спектаклем, сначала музыкальную аранжировку для него делает наш музыкальный руководитель Котэ Малания. Затем подготовленный материал передают мне, после чего

мы с режиссером начинаем выстраивать музыкальное полотно будущего спектакля. Сегодня Малый зал оборудован на высшем уровне, звук как на ладони.

-В каком состоянии находится звуковой архив Грибоедовского театра?

-За годы работы в театре собралась достаточно солидная фонотека. В 2001 году в комнату, где хранились старые записи, протекла вода. Уцелевшие записи мы перенесли в другое помещение. Сейчас мы можем записывать музыку на мини-диски, это продлевает ее жизнь. Я очень хочу переписать имеющийся у нас фонд с пленки на электронные носители, чтобы сохранить его для будущих поколений грибоедовцев.

-Какие перемены с творческой точки зрения?

-Творческая жизнь стала интереснее, насыщеннее. Думаю, это заслуга художественного руководителя и управляющего театра Автандила Варсимашвили. Работать с ним и просто, и сложно. Но я связываю это с тем, что творческий поиск всегда непростое дело. Я бы хотел особо отметить спектакль «Свободного театра» «Комедианты» в постановке Варсимашвили. Это одна из любимых моих работ вне стен Грибоедовского.

-С какими сложностями во время спектакля сталкиваетесь чаще всего?

-Я считаю, что все зависит от артиста. Часто бывает, что актеры нарушают, а иногда и разрушают ход действия. Допустим, у меня реплика через три шага, а актер произносит ее через один шаг. Я сбиваюсь, динамика нарушается. В моей практике случалось немало самых разнообразных ситуаций. К примеру, в спектакле А.Товстоногова «Последнее слово за вами» была реплика, которая повторялась несколько раз в течение спектакля. И вот спектакль начался, я сижу за звукорежиссерским пультом. Вдруг открывается дверь и меня зовет мой помощник. Я отвлекся, вышел из операторской, вернулся, слышу ту самую реплику. Я думаю, включить озвучивание, или не включать. Включил, но не вовремя.

Потом Товстоногов меня успокаивал, а эту сцену из спектакля убрали. Вообще со звуком работать проще, чем, скажем, со светом. Хотя, всякая работа в театре – очень специфическая.

-Считаете ли звуковое решение спектакля самостоятельным художественным произведением?

-Безусловно. Звукорежиссер в сотрудничестве с режиссером занимается музыкальным оформлением спектакля. При этом его задача сделать так, чтобы каждый смысловой кусок сценария получил свое звуковое оформление или свою мелодию, которая выявила бы суть содержания, придала эмоциональную окраску и определила ритм всего спектакля. Музыка создает настроение. Звуковая часть спектакля имеет свои измерения: звук может быть синхронным или несинхронным. Он всегда несет элементы драматургии. Звуковой образ эпизода – это его звуковая характе-

Супруга Нелли с внучкой

На гастролях в Санкт-Петербурге, 2004 г.

ристика. Например, в спектакле «Мост» по пьесе грузинского драматурга, мы все действие продержали на шумах, без музыки. Работа звукорежиссера позволяет импровизировать. Главное, чтобы звуковое оформление полностью соответствовало сценическому действию.

- Есть ли у вас какое-нибудь увлечение?

- Я филателист со стажем. Марки начал собирать в 1941 году. К сегодняшнему дню собралась большая коллекция. Я даже придумал свой метод воспитания с помощью марок. Брал красивую марку, показывал ее своим сыновьям, а потом читал литературу на эту тему. Теперь пришло время, когда они сами сообщают мне новости филателии.

- А как же музыка?

- Так уж сложилось, что музыка составляет неотъемлемую часть моей жизни. В детстве я играл на аккордеоне. Как-то в 1943 году отец взял меня на гастроли театра в Сочи. Шла война, немецкие части стояли у Туапсе, но это не мешало грибоедовцам выступать перед бойцами. Директор театра узнал, что я играю на аккордеоне, и попросил меня выступить в составе выездной бригады. Так в десять лет я исполнил «Катюшу», наравне с нашими именитыми актерами.

- Хотели бы вы поработать в другом театре или над каким-то определенным спектаклем?

- Не думаю. Сыновья давно переехали в Москву, у меня там много знакомых. Друзья зовут туда рабо-

С сыновьями Владимиром и Юрием

тать. Говорят: «Выбирай любой московский театр». А я как подумаю, что придется жить без родного Тбилиси и Грибоедовского театра, страшно становится. В молодости – другое дело. А теперь уже не смогу, да и незачем. Я доигрываю свои старые спектакли. В этом сезоне занимался оформлением постановки А.Енукидзе «Две пары». Надеюсь, меня и мой театр в будущем ждут немало интересных премьер.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

КАЖДЫЙ СПЕКТАКЛЬ КАК ЭКЗАМЕН

ЗАСЛУЖЕННОЙ АРТИСТКЕ ГРУЗИИ ВАЛЕНТИНЕ ВОИНОВОЙ – 70 ЛЕТ

...Это был 1962 год, когда в спектакле по инсценировке романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» роль Авдотьи Романовны играла молодая актриса Валентина Воинова. Зрители любовались ее тонкой подвижной фигуркой, выразительной внешностью, поэтичностью. А сцена с неподражаемым Анатолием Смираниным в роли Свидригайлова была исполнена на высоком эмоциональном уровне. Был заслуженный успех. Пресса писала: «Она окончила театральную студию в Саратове. Но как вступила она в труппу Грибоедовского театра».

Приоткроем завесу прошлого.

1960 год. Разгар лета. В Севастополе шли съемки художественного фильма «Человек-амфибия», в котором снимался народный артист Грузии Анатолий Смиранин. От своего гримера он узнал о дебютантке драматического театра им. А. Луначарского Вале Воиновой, подающей надежды.

После знакомства последовало приглашение в Грузию.

Так начинался твой творческий путь в большое искусство. С тех пор прошли годы... Многое менялось в твоей судьбе. Но неизменно оставалось одно – любовь и верность Грибоедовскому театру. Ты играла в постановках известных режиссеров А. Рубина, С. Челидзе, Г. Лордкипанидзе, К. Сурмава. Была занята в спектаклях выдающегося театрального режиссера П. Фоменко «Свой остров» и «Дорога цветов». Работала с интересными актерами Н. Бурмистровой, К. Добжинским, К. Мюфке, Д. Славиным, Б. Казинцом, Л. Крыловой. Это спектакли «Так и будет» К. Симонова, «Дом Бернарды Альбы» Ф.-Г. Лорки, «Цезарь и Клеопатра» Б. Шоу, «Машенька» А. Афиногенова, «Проводы белых ночей» В.Пановой, «Будьте здоровы» П. Шено и другие. Как трепетно, вдохновенно ты готовила роль Марго в спектакле «Дневник Анны Франк» в постановке Медеи Кучухидзе.

Какой был актерский состав! Ариадна Шенгелая, Мавр Пясецкий, Евгений Басилашвили, Валентина Захарова, Андрей Нирванов. Это был этапный «мхатовский» спектакль в биографии грибоедовского театра.

Сколько увлекательного, захватывающего было в спектакле «Моя старшая сестра» В. Володина, где ты запомнилась зрителям в роли обольстительной колдуньи. Не забыть и кокетливую, зажигательную с грациозной походкой и лучезарной улыбкой обворожитель-

Валентина Воинова

ную секретаршу Верочку в пьесе Э. Брагинского и Э. Рязанова «Сослуживцы». А сколько озорства, прелести было в трогательной Михайне Алмаши по прозвищу «мышка» в спектакле И. Эркень «Кошки-мышки».

Известный театровед Надежда Шалуташвили писала: «Валентина Воинова актриса эмоционального склада. Она растворяется в образах...»

И сегодня заслуженная артистка Грузии Валентина Воинова занята в текущем репертуаре театра. «Каждый спектакль как экзамен. Я переживаю встречу с каждой новой ролью, даже с самой маленькой».

В этих словах вся ты! На редкость светлый и гармоничный человек, испытанный друг. С тобой приятно общаться. Ты умеешь дорожить людьми, чувствовать чужую боль, протягивать руку помощи ближнему. И люди платят тебе тем же.

Ты познала и личное счастье. В твоём доме всегда царил мир и тепло. Им дорожит твоя дочь Кетино.

Сегодня в доме раздаются звонкие голоса твоих внуков – Наты, Никуши, Беко. Это богатство.

Дорогая Валя! Еще раз прими наши сердечные, искренние, добрые поздравления.

И пусть хранит тебя Бог!

ТВОИ ГРИБОЕДОВЦЫ

Когда я впервые увидела Валю Воинову, она больше была похожа на подростка, чем на взрослую девушку. Сразу располагала к себе. Простая, приветливая. Помню Котэ Сурмава предложил поставить пьесу К. Финна «Старый дурак».

Какие актеры были задействованы! А. Ермилов, М. Пясецкий, Т. Белоусова...

Я выбрала роль домработницы Таси Грачевой. Константин Иванович недоумевал: «Зачем Бурмистровой такая роль? Или это творческий эксперимент?..» Но репетиции шли и спектакль получился блестящий.

Валя играла дочку хозяев - долговязую, длинноно-

ках. Замечательная актриса. Добрая душа. Нужный человек театру. Всегда играла на гребне эмоций. Была наделена сценическим обаянием, а это и есть проявление таланта.

От всей души поздравляю дорогого юбиляра!

**Гига Лордкипанидзе
народный артист СССР**

...Это был 1965 год. Незабываемые годы сценической жизни Грибоедовского театра. Постоянные аншлаги. Премьера за премьерой. Очереди за билетами.

Помню, Валя Воинова играла в моем дипломном спектакле «Гусиное перо» шуструю, озорную, задиристую школьницу. Стройная хрупкая фигурка, маленькая головка, длинная шейка, на голове бант.

Очень органичная актриса, нестандартная. Как человек она была наделена изумительными качествами. Всегда готовая к самопожертвованию. И в то же время в ней было что-то детское, незащищенное...

Нельзя сказать, что у нее была легкая жизнь. Но она смогла сохранить и пронести через все крутые повороты судьбы свою непосредственность. Сколько отзывчивости, душевной теплоты, внимания сквозило в каждом ее слове при нашей недавней встрече.

Многие лета тебе, дорогая Валя!

**Ника Джандиери
заслуженный деятель
искусств Грузии**

У нас с Валей уже несколько лет установилась хорошая добрая традиция, которая у многих в театре вызывает улыбку, а у некоторых удивление. Мы с Валей при каждой встрече целуемся. Даже если эта встреча происходит в день несколько раз. Так вот, Валентина Ивановна, хочу предложить: давайте не обращать внимания на реакцию коллег и еще долго целоваться при каждой встрече, чтобы подчеркивать наши с вами добрые взаимоотношения.

**Автандил Варсимашвили
управляющий и
художественный руководитель
Грибоедовского театра**

Материал подготовила
Нелли УЗНАДЗЕ

В роли Бабакиной. «Иванов», А.Чехов.

В роли колдуньи. «Моя старшая сестра», А.Володин.

гую. Работала с упоением. Чувствовалось, что роль доставляла ей удовольствие. Она нравилась и нам, и зрителям. Ее постепенно занимали в репертуаре. Легкая, распахнутая, непосредственная и всегда достоверная.

Годы пролетели!..

Ты счастливый человек, Валя. У тебя есть внуки, а это продолжение жизни.

**Наталья Бурмистрова
народная артистка
СССР**

Я не раз занимал Валю Воинову в своих постанов-

В роли школьницы. «Гусиное перо»,
С.Лунгин и И.Нусинов

Солнце высоко взошло, лето красное пришло. Июль – червень, липец по-древнеславянски, середина лета. Июль в народном представлении червленый – темно-красный, багряный. Есть и другие названия июля у народа: страдник (от слова страда – пора жатвы, сенокоса).

А у нас другая пора – пора сказочных посиделок. И хочется мне сегодня вновь продолжить разговор о сказках А.С.Пушкина, уж больно хороши они. Это «Сказка о золотом петушке». В ней также много чудес, выдумки, но есть кое-что еще.

Вот послушай-ка.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде в тридевятом царстве, В тридесятом государстве, Жил-был славный царь Дадон. Смолоду был грозен он И соседям то и дело Наносил обиды смело, Но под старость захотел Отдохнуть от ратных дел И покоя себе устроить; Тут соседи беспокоить Стали старого царя, Страшный вред ему творя. Чтоб концы своих владений Охранять от нападений, Должен был он со-

держать Многочисленную рать. Воеводы не дремали, Но никак не успевали: Ждут, бывало, с юга, глядь — Ан с востока лезет рать. Справят здесь, — лихие гости Идут от моря. Со злости Инда плакал царь Дадон, Инда забывал и сон. Что и жизнь в такой тревоге! Вот он с просьбой о помощи Обратился к мудрецу, Звездочету и скопцу — Шлет за ним гонца с поклоном.

Вот мудрец перед Дадонем Стал и вынул из мешка Золотого петушка. «Посади ты эту птицу, — Молвил он царю, — на спицу; Петушок мой золотой Будет верный сторож твой: Коль кругом все будет мирно, Так сидеть он будет смирно; Но лишь чуть со стороны Ожидать тебе войны, Иль набега силы бранной, Иль другой беды незваной, Вмиг тогда мой петушок Приподымет гребешок, Закричит и встрепетается И в то место обернется». Царь скопца благодарит, Горы золота сулит. «За такое одолженье, — Говорит он в восхищенье, — Волю первую твою Я исполню, как мою».

Петушок с высокой спицы Стал стеречь его границы. Чуть опасность где видна, Верный сторож, как со сна, Шевельнется, встрепетается, К той сторонке обернется И кричит: «Кири-ку-ку. Царствуй, лежа на боку!» И соседи присмирели, Воевать уже не смели. Таковой им царь Дадон Дал отпор со всех сторон!

Год, другой проходит мирно; Петушок сидит все смирно. Вот однажды царь Дадон Страшным шумом пробужден: «Царь ты наш! отец народа! — Возглашает воевода, — Государь! проснись! беда!» — «Что такое, господа? — Говорит Дадон, зевая, — А?.. Кто там?.. беда какая?» Воевода говорит: «Петушок опять кричит, Страх и шум во всей столице». Царь к окошку, — ан на спице, Видит, бьется петушок, Обратившись на восток. «Медлить нечего: «Скорее! Люди, на конь! Эй, живее!» Царь к востоку войско шлет, Старший сын его ведет. Петушок угомонился, Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней, А от войска нет вестей: Было ль, не было ль сраженья, Нет Дадону донесенья. Петушок кричит опять. Кличет царь другую рать; Сына он теперь меньшого Шлет на выручку большого; Петушок опять утих. Снова вести нет от них, Снова восемь дней проходят; Люди в страхе дни проводят, Петушок кричит опять, Царь скликает третью рать И ведет ее к востоку, Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь; Им становится невмочь. Ни побоища, ни стана, Ни надгробного кургана Не встречает царь Дадон. «Что за чудо?» — мыслит он. Вот осьмой уж день проходит, Войско в горы царь приводит И промеж высоких гор Видит шелковый шатер. Все в безмолвии чудесном Вкруг шатра; в ущелье тесном Рать побитая лежит. Царь Дадон к шатру спешит... Что за страшная картина! Перед ним его два сына Без шоломов и без лат Оба мертвые лежат, Меч вонзивши друг во друга. Бродят кони их средь луга, По притоптанной траве, По кровавой мураве... Царь завыл: «Ох, дети, дети! Горе мне! попались в сети Оба наши сокола! Горе! смерть моя пришла». Все завыли за Дадонем, Застонала тяжким стоном Глубь долин, и сердце гор Потряс лося. Вдруг шатер Распахнулся... и девица, Шамаханская царица, Вся сияя, как заря, Тихо встретила царя. Как пред солнцем птица ночи, Царь умолк, ей глядя в очи, И забыл он перед ней Смерть обоих сыновей. И она перед Дадонем Улыб-

нулась — и с поклоном Его за руку взяла И в шатер свой увела. Там за стол его сажала. Всяким яством угощала, Уложила отдыхать На парчовую кровать. И потом неделю ровно, Покорясь ей безусловно, Околдован, восхищен, Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный Со своею силой ратной И с девицей молодой Царь отправился домой. Перед ним молва бежала, Быль и небыль разглашала. Под столицей, близ ворот С шумом встретил их народ, — Все бегут за колесницей, За Дадонем и царицей; Всех приветствует Дадон... Вдруг в толпе увидел он: В сарачинской шапке белой, Весь как лебедь поседелый, Старый друг его, скопец. «А! здорово, мой отец, — Молвил царь ему, — что скажешь? Подъ поближе. Что прикажешь? — «Царь, — отвечает мудрец, — Разочтемся наконец. Помнишь? за мою услугу Обещался мне, как другу, Волю первую мою Ты исполнить, как свою. Подари ж ты мне девицу, Шамаханскую царицу». Крайне царь был изумлен. «Что ты? — старцу молвил он, — Или бес в тебя ввернулся, Или ты с ума рехнулся. Что ты в голову забрал? Я, конечно, обещал, Но всему же есть граница. И зачем тебе девица? Полно, знаешь ли, кто я? Попроси ты от меня Хоть казну, хоть чин боярский, Хоть коня с конюшни царской. Хоть полцарства моего». — «Не хочу я ничего! Подари ты мне девицу, Шамаханскую царицу», — Говорит мудрец в ответ. Плюнул царь: «Так лих же: нет! Ничего ты не получишь. Сам себя ты, грешник, мучишь; Убирайся, цел пока;

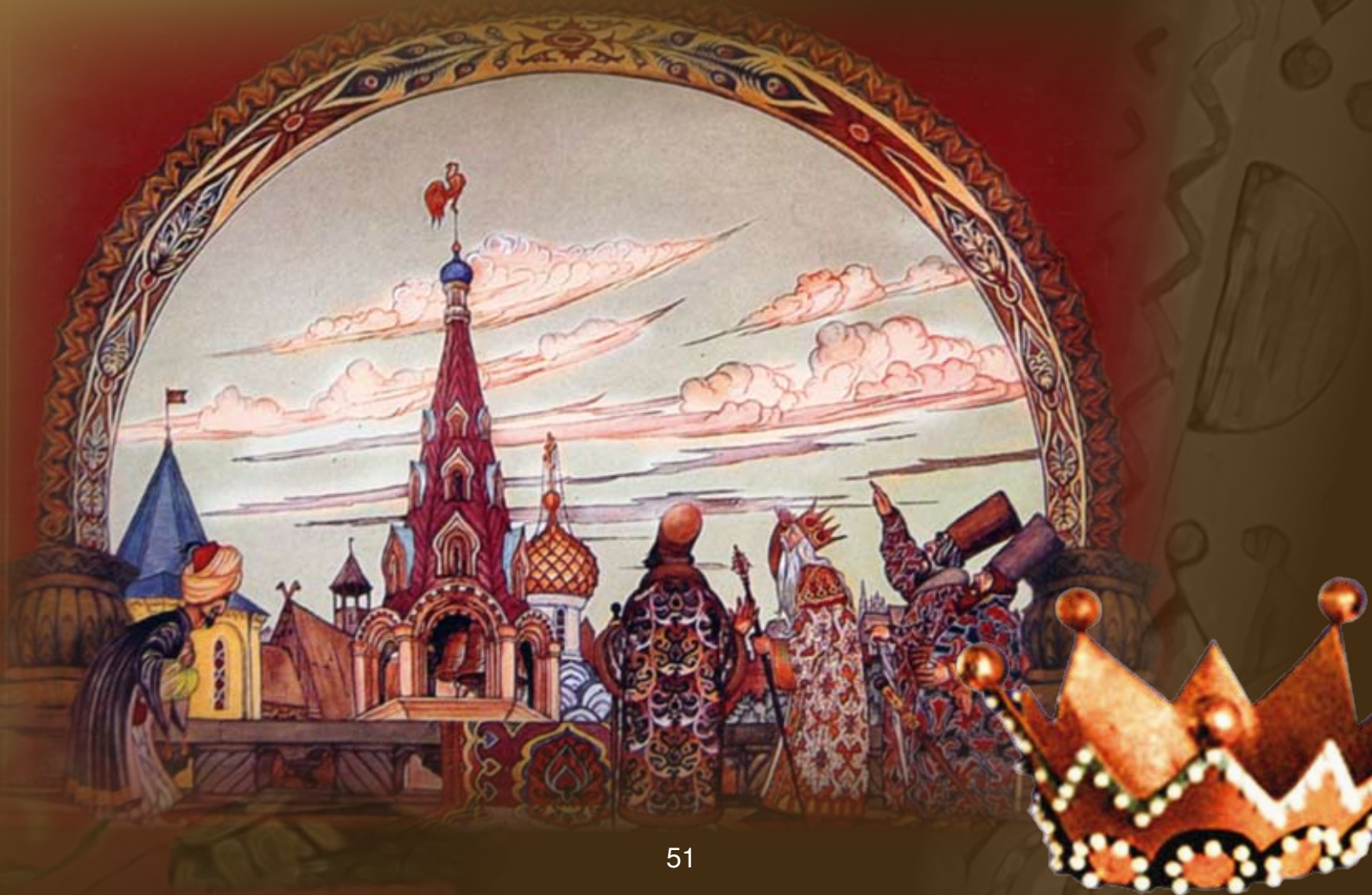
Оттащите старика!» Старичок хотел заспорить, Но с царями плохо вздорить; Царь хватил его жезлом По лбу; тот упал ничком, Да и дух вон. — Вся столица Содрогнулась, а девица Хи-хи-хи да ха-ха-ха! Не боится, знать, греха. Царь, хоть был встревожен сильно, Усмехнулся ей умильно. Вот — въезжает в город он... Вдруг раздался легкий звон, И в глазах у всей столицы Петушок спорхнул со спицы, К колеснице полетел И царю на темя сел, Встрепенулся, клюнул в темя И взвился... и в то же время С колесницы пал Дадон — Охнул раз, — и умер он.

А царица вдруг пропала, Будто вовсе не бывало. Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок.

Ох и неслучайно сказка заканчивается такими, уже ставшими крылатыми словами. Помимо волшебства, выдумки, в ней сквозит лукавая ирония в описании царя, его вельмож, и даже намечена политическая сатира на тех, кому все дозволено. И потому «с царями плохо спорить». Но в сказках всегда побеждает справедливость, а потому и не сдержавший слово царь был наказан, и шамаханская девица недоброй оказалась, или, может, она была послана царю для испытания, которое он не выдержал? Как вы думаете?

Вот и не зря говорят в народе: «Близ царя — близ смерти», «Бог — высоко, а царь — далеко».

БАБУШКА ДАРЬЮШКА

В Тбилиси на 68-м году жизни скончался выдающийся хореограф и педагог Георгий Алексидзе. До последних дней этот мастер балетного искусства работал в Санкт-Петербургском театре имени Леонида Якобсона и руководил кафедрой балетмейстерского мастерства в Академии русского балета имени Агриппины Вагановой. Последняя встреча петербуржцев с хореографом состоялась 30 мая в Доме актера, где были показаны его новые работы и документальный фильм «Тема с вариациями» о его творчестве. В сентябре мастер собирался вернуться на невские берега к своим ученикам, которые сохраняют о нем светлую благодарную память.

Всемирно известный хореограф и балетмейстер Георгий Алексидзе был похоронен в Пантеоне выдающихся деятелей Грузии в Тбилиси.

В адрес семьи и оперного театра поступили многочисленные телеграммы.

Глубоко скорбим в связи с безвременной кончиной выдающегося хореографа современности Георгия Дмитриевича Алексидзе.

Его имя навсегда связано с русской и грузинской культурой и служило расцвету дружбы двух братских народов.

Примите глубокие соболезнования.

Президент грузинского землячества Санкт-Петербурга «Иверия»

Бадри Какабадзе

Мы выражаем наши глубочайшие соболезнования по поводу кончины Георгия Дмитриевича. Вечная память мастеру и учителю, мы скорбим вместе с вами.

Борис Эйфман и коллектив Санкт-Петербургского государственного академического балета

С глубоким прискорбием мы приняли известие о кончине выдающегося хореографа и педагога Георгия Алексидзе. Ему было всего шестьдесят восемь. Пережив многое он все же был полон творческих идей и собирался в сентябре продолжить работу в Петербурге со своими многочисленными учениками. Воспитанный в лучших традициях петербургской хореографической культуры Георгий Алексидзе постигал мастерство танца. У одного из патриархов балетмейстерского искусства Федора Лопухова. Впервые свою программу балетных миниатюр молодой Георгий Алексидзе показал в 1966 году в Ленинградской

На репетиции в Тбилиси. 2003 г.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ХОРЕОГРАФ, ЛЕГЕНДАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ

филармонии, сразу продемонстрировав громадный масштаб своего дарования. Затем последовали постановки в разных городах и балетных труппах. На петербургской сцене балетмейстер осуществил за годы своей жизни десятки постановок. Они различались темой и содержанием, настроением и хореографической формой. Но их объединяло одно: неповторимый почерк настоящего мастера.

Как известно, Георгий Алексидзе сотрудничал с труппой Мариинского, в ту пору Кировского, театра. Для артистов труппы общение с балетмейстером запомнилось на всю жизнь. Танцевать в его постановках было необычайно интересно, а своеобразный хореографический стиль мастера открывал возможности творческого роста. Георгий Дмитриевич был редкой личностью, в нем сочетались высочайшая культура, интеллект, острота ума, а доброе сердце и глубокая человечность притягивали к нему не только его многочисленных студентов, но всех, кто интересовался

искусством балета, проблемами искусствознания или просто стремился к общению с личностью. Память о замечательном человеке, хореографе, педагоге навсегда останется в наших сердцах.

Коллектив Мариинского театра

Ушел из жизни Георгий Дмитриевич Алексидзе – выдающийся хореограф и легендарная личность. Горько сознавать, что театральное искусство Грузии и России потеряло одного из своих самых ярких и неординарных художников. А родные и близкие – отца, надежного друга, терпеливого наставника и учителя. Его творчество было открыто миру, его образы навсегда остались в памяти как плод вдохновенной фантазии истинного творца. Его танец окрылял и восхищал красотой, наполняя душу очарованием настоящего искусства.

Темур Чхеидзе и весь БДТ имени Георгия Товстоногова

Дорогие мои коллеги! Ушел из жизни замечательный мастер Георгий Дмитриевич Алексидзе. Как горько, что с нами остается все меньше таких талантливых и удивительных людей. Соболезную и скорблю вместе с вами.

Николай Цискаридзе

Скорблю вместе с вами об утрате выдающегося,

талантливого хореографа, замечательного человека и моего большого друга Георгия Алексидзе. Всегда ваш и всегда с вами.

Михаил Лавровский

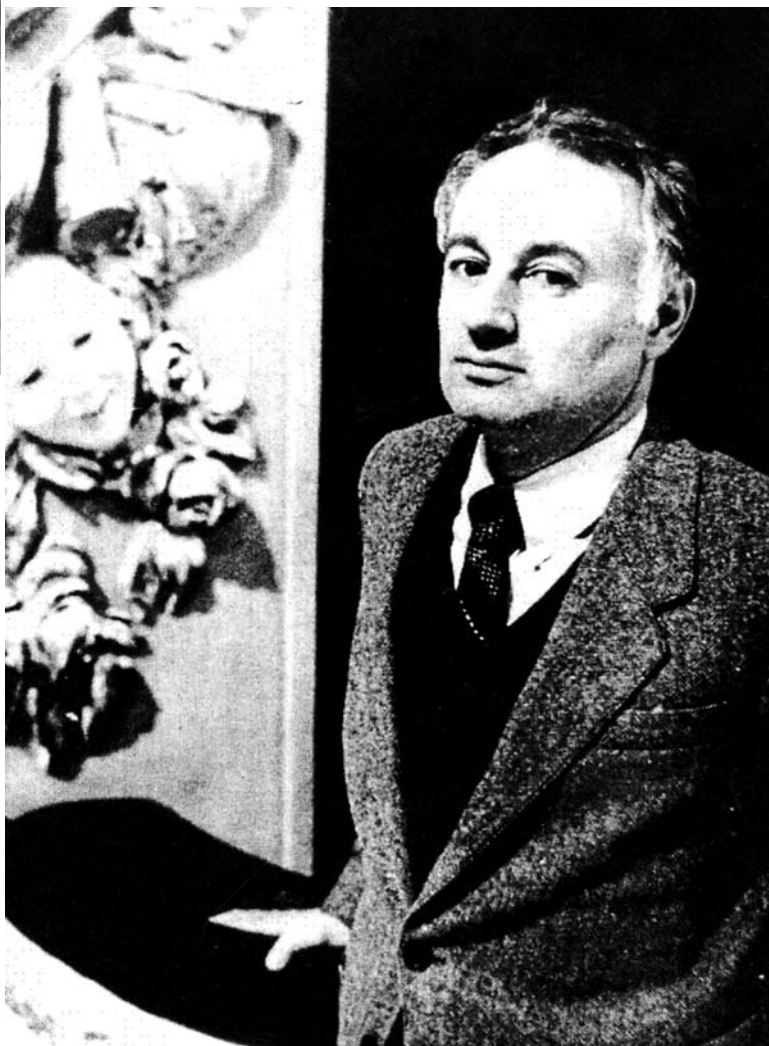
Георгий Дмитриевич являл собой пример блистательной и гармоничной творческой личности. Созданные им постановки вошли в сокровищницу балетного искусства. Его уникальный талант, человеческая одаренность, благородство и мудрость всегда вызывали искреннее уважение и восхищение. Вся его жизнь и творчество – пример чистого служения искусству.

И.о. министра культуры Российской Федерации А.А.Голутва

Он был хореографом и человеком огромнейшего таланта. В жизни редко можно встретить такого человека. Мы работали вместе с ним над хореографическими миниатюрами, а позднее над вечером Михаила Барышникова. Его хореография подобна граням алмаза. Работать и общаться с ним было огромной радостью. Эта работа и беседы с ним давали фундаментальные импульсы охватить жизнь более полноценно. Он был человеком. Которого никогда не смогут забыть, и мы его действительно по-настоящему любили.

Ирина Колпакова и Владимир Семенов

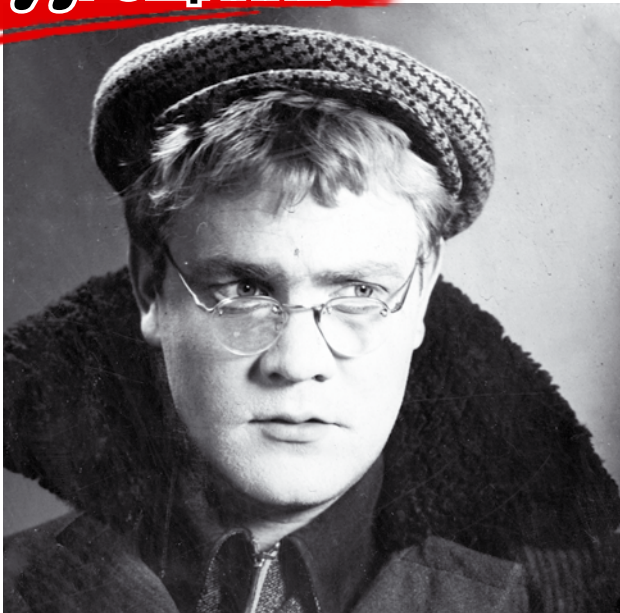
От нас ушел величайший, бесконечно любимый нами хореограф. Погас его многогранный талант. Это

На репетиции в Греции. 1987 г.

тяжелая потеря для всей мировой хореографии, для петербургского балета, для артистов, с которыми он работал. Особенно трудно осознать тяжесть этой утраты нашему театру, где так часто мы имели счастье встречаться с Георгием Дмитриевичем в работе, балетных залах – и раньше, и в последние годы. С его самоотверженным служением искусству, беспримерным преодолением роковых обстоятельств, в которые поставила его жизнь, он мог еще многое сделать – создать новые шедевры, обогатить новыми идеями, делая из всех нас свидетелей его страстных откровений души и высоких полетов духа.

Юрий Петухов и коллектив театра балета имени Леонида Якобсона

ОН ЖИЛ СЦЕНОЙ

Немногие знали, что Лев Борисович Гаврилов болел. Человек удивительной скромности, он старался никого не огорчать. Его скромность была поразительна. Не хочется верить, что жизнь его внезапно оборвалась, добавив к нашим потерям еще одну боль. Нас, грибоедовцев, становится все меньше.

Достойный представитель старшего поколения мастеров Грибоедовского театра, он прожил долгую, интересную актерскую жизнь.

В его биографии коренного тбилисца высвечиваются интересные факты. Прадед, генерал-майор Яков Викторович Амасийский, участник русско-турецкой войны, в дальнейшем остался жить на Кавказе. Дядя, Игорь Амасийский, заслуженный деятель искусств Грузии, работал оператором на киностудии «Грузияфильм» с Михаилом Чиаурели и другими известными кинорежиссерами.

О театре Лева мечтал с детства. Он был влюблен

в театр, в профессию актера. Будучи школьником, играл в драматических кружках. Его актерскую судьбу предопределил Додо Алексидзе. Окрыленный напутствием выдающегося театрального деятеля, он пробует свои силы в театрах Кемерова и Уральска. Затем осуществляет заветную мечту — поступает в ГИТИС, слушателем мастер-класса Нины Михозэлс, дочери прославленного Соломона Михозэлса.

Почти полвека отдал Грибоедовскому театру Лев Борисович Гаврилов. Он служил театру преданно и бескорыстно. Театралы и сегодня помнят сенсационный спектакль «Дневник Анны Франк» в постановке Медеи Кучухидзе, в котором молодой актер с Ариадной Шенгелая надолго запомнились зрителям предельной искренностью и сценическим обаянием.

Запомнились и созданные им образы в спектаклях «Энергичные люди» В.Шукшина, «Машенька» А.Афиногенова, «Вишневый сад» А.Чехова, «Улица Шолом-Алейхема, 40» А.Ставицкого, «Яма» А.Куприна, «Тереза Ракен» Э.Золя... С ним любили работать режиссеры.

Его последнюю роль - Папа Карло в «Рождественской сказке» особенно полюбили и запомнили наши юные зрители.

Доброта, чуткость и внимательность к коллегам, умение найти нужное слово в сложных ситуациях, проявить такт и культуру снискали Льву Борисовичу любовь и уважение окружающих.

Свою жизнь он прожил достойно.

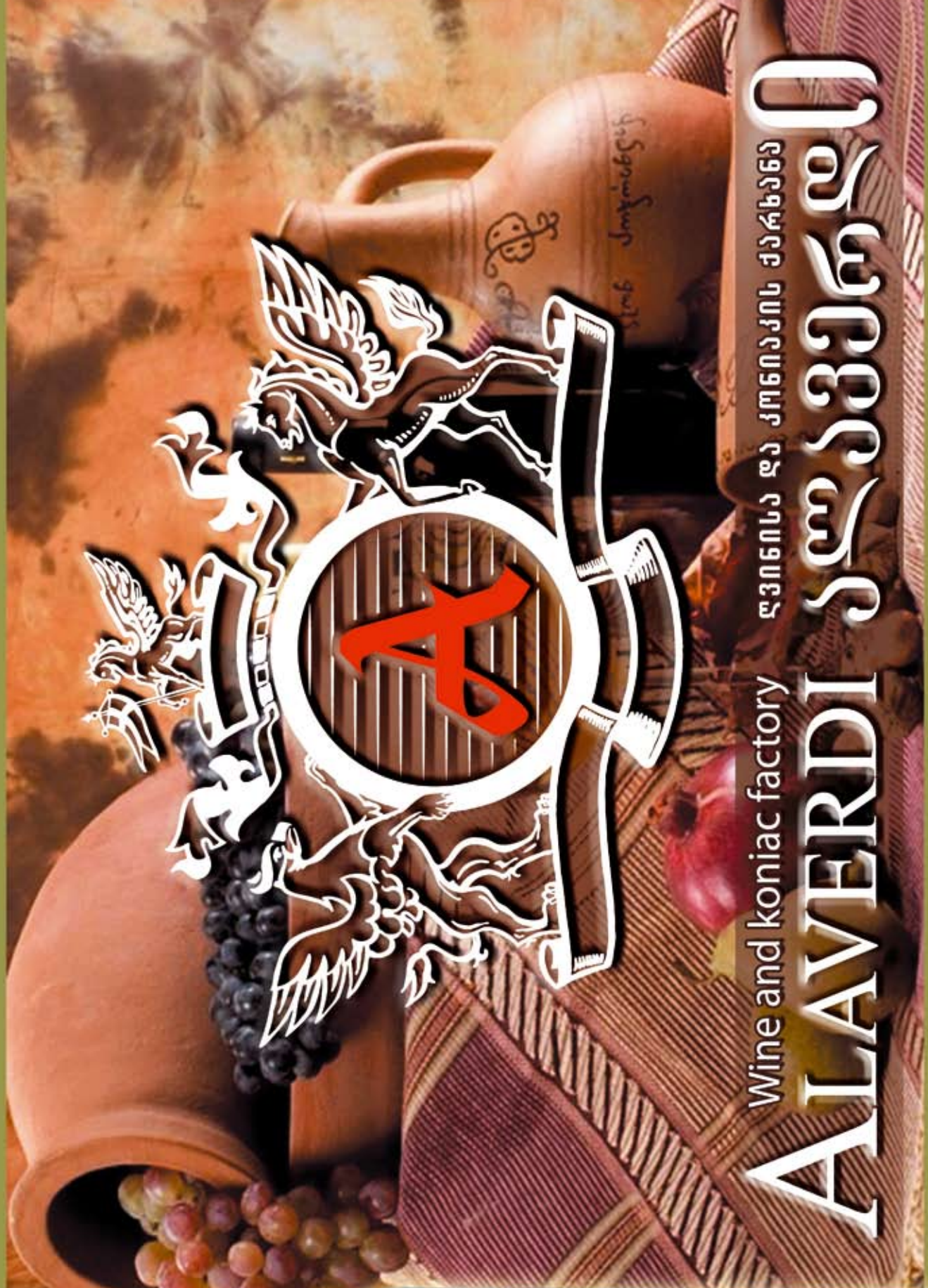
Светлая память нашему дорогому другу!

**Коллектив Тбилисского государственного
русского драматического театра
им. А.С. Грибоедова**

В 1958 году я пришла на работу в ТЮЗ. Первый, с кем я встретилась, был Лев Борисович Гаврилов, молодой, но уже хорошо известный актер, ярко заявивший о себе в спектакле «Всадник без головы» по роману М.Рида. Лева шел и улыбался своей неповторимой улыбкой. За эту улыбку его многие называли солнышком. Таким он оставался в течение всей своей жизни. Ни в театре, ни за его порогом он никому не сделал зла. Уже в Грибоедовском театре началось наше творческое сотрудничество. Он играл врача-ветеринара Шустека в спектакле по пьесе Буковчана «Прежде чем пропоет петух». Шустек — полная противоположность самого Левы. Но он справился и с этой сложной ролью. Удавались ему и комедийные роли. С ним любили работать многие режиссеры театра, но он сам был критичен к себе. Он мог отказаться от исполнения главной роли, считая, что это не его. Лева ушел из жизни, так и не успев сыграть скупого рыцаря в «Маленьких трагедиях» Пушкина. Жизнь оборвалась в момент, когда Лева был полон творческих планов, а значит, и возможностей. Он так и останется в нашей памяти добрым Папой Карло — его последней ролью в «Рождественской сказке».

Лейла ДЖАШИ
режиссер

SERTIFICATE: ISO 9001:2000 ISO 22000:2005

Wine and konicac factory

ვინისა და კონიაკის ქარხანა

ALAVERDI

EMAIL: ALAVERDI_2000@YAHOO.COM

+995 99502850;

+995 99961222

ბანკი ქართვ CARTU BANK

Ваш надёжный партнёр

Грузия, Тбилиси 0162, Пр. Чавчавадзе №39^а ☎ + (995 32) 92 55 92 www.cartubank.ge